

Игорь Москвин

Петербургский сыск. 1874 год, февраль

Игорь Москвин

**Петербургский сыск.
1874 год, февраль**

«Издательские решения»

Москвин И.

Петербургский сыск. 1874 год, февраль / И. Москвин —
«Издательские решения»,

Нет в истории времени, когда один человек не строил бы преступных планов, а второй пытался если не помешать, то хотя бы найти преступника, чтобы воздать последнему по заслугам. Так и Сыскная Полиция Российской Империи стояла на переднем крае борьбы.

Содержание

Глава первая. 8 февраля 1874 года	6
Глава вторая. Происшествие на Курляндской улице	8
Глава третья. День первый, нервический, тревожный	13
Глава четвертая. Убиенный под номером восемь	17
Глава пятая. Мелочи сыскных мероприятий...	22
Глава шестая. Что таится тьмой ночной...	27
Глава седьмая. Даст Бог день, даст и пищу...	31
Глава восьмая. Дела давно минувших лет...	34
Глава девятая. Ниточка вьётся из клубочка	39
Глава десятая. Гришка Шустов	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Петербургский сыск. 1874 год, февраль

Игорь Владимирович Москвин

*Ирине мороз,
каждый прожитый день – это жизнь в миниатюре и каждый
из них должен быть с крупницей счастья*

© Игорь Владимирович Москвин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая. 8 февраля 1874 года

В пятничный день, 8 февраля 1874 года Иван Дмитриевич Путилин предстал пред светлы очи Государя в связи с награждением за самоотверженное служение Отечеству. Начальник сыскальной полиции был отмечен подарком в тысячу рублей серебром с вензелевым изображением Его Величества. Александр II, самолично, принимал награждаемых в Зимнем дворце, сперва выслушали обедню в Круглом зале, где Иван Дмитриевич чувствовал себя не совсем уютно среди множества мундиров, камзолов, сияющих алмазами звёзд и золотых лент.

Награждаемых было пятеро – саратовский предводитель дворянства, какой—то камергер, генерал с пышными усами, Иван Дмитриевич и енисейский губернатор тайный советник Лохвицкий.

Государь подошёл к Путилину. На лице Александра появилась приятная улыбка, и так же душевно прозвучал голос, что у Ивана Дмитриевича неожиданно подступил ком к горлу, а к глазам подкатили слезы, чего с ним ранее никогда не случалось, но он не смел их смахнуть.

– Благодарю вас, Иван Дмитриевич, – сказал Государь, – благодарю за вашу ревностную и верную службу. Я уверен, что и далее вы будете продолжать её с той же пользою для нашего Отечества. Ещё раз благодарю!

В тот же день в седьмом часу пополудни на площади Мариинского театра вытянулся целый ряд экипажей и длинная лента извозчиков. Кучера и возницы собирались кучками около карет и саней, хлопали рукавицами, топтались на месте, пытаясь согреться, перекидывались между собою замечаниями о погоде.

Дул, действительно, резкий ветер, шёл косой снег, залеплявший глаза и острыми иголками коловший лицо.

Иван Дмитриевич в это время сидел в ложе Мариинского театра, и хотя не был большим любителем оперы, но, будучи приглашённым помощником градоначальника генерал—майором Козловым, не посмел отказаться. Такие вечера выдавались редко, большинство из них заняты до позднего часа на службе – преступники не чтут ни времени года, ни времени дня. Гирляндой блестящих туалетов блестили ложи бенуара, бельэтажа и даже первого яруса. Переливы драгоценных камней всех цветов радуги украшали белоснежные шеи, уши, и затянутые в изящные перчатки грациозные ручки, выставляющие напоказ своё богатство или пытающиеся затмить им соседей по креслам.

Сегодня давали премьеру – оперу «Борис Годунов» какого—то композитора Мусоргского с мудрёным именем Модест.

По чести говоря, во втором отделении Ивану Дмитриевичу пришлось прикрывать рот рукой, чтобы скрыть от посторонних глаз зевоту.

– Благодарю, – Путилин смотрел красными от недосыпания глазами на генерал—майора, с большим удовольствием Иван Дмитриевич бы предался в эту минуту безделью в любимом кресле, – Александр Александрович, за любезное приглашение..

– То—то я смотрел, – засмеялся Козлов, – что опера произвела на вас неизгладимое впечатление своим сонным действием. Не смею больше задерживать.

– Разрешите откланяться, – Иван Дмитриевич кивнул головой и пошёл к выходу.

Белой ватой сыпались клочья снега и покрывали почерневшие от езды улицы новым рыхлым слоем. Сквозь мглу ночи бледно мигали редкие керосиновые фонари. Всякий звук заглушен тишиною, едва слышен скрип полозьев.

Извозчицы сани повернули с Малого Проспекта Петербургской стороны на улицу Теряева. Иван Дмитриевич ранее поднял воротник своего пальто и совсем натянул на лоб до глаз

шапку. Весь он был покрыт густой снежной кашей. Извозчик перевязал себе шею женским платком. Лошадь то и дело спотыкалась, плохо слушалась кнута, но извозчик бил по облучку саней, показывая пассажиру усердие.

Подъехали к широкому крыльцу.

– Стой, – натянул поводья возница, – приехали, и обернулся к пассажиру.

Недалеко прохаживал городской.

– Получи свой четвертак, – сказал, слезая, Путилин, – а так, как погода—то больно скверна – вот тебе ещё гривенник.

– Благодарствую, барин, – уныло проговорил извозчик.

– Пошёл, пошёл! – крикнул подошедший городской и толкнул лошадь в оглоблю, – здравия желаю, Иван Дмитриевич!

Путилин ответил на приветствие и поднялся на крыльцо.

У порога встретила Глаша, женщина лет сорока, последние восемь лет помогающая по хозяйству и в то же время «кухонная хозяйка», как порой в шутку звал её Путилин, приняла пальто и шапку.

– Принеси—ка, Глашенька, мне чаю, – произнёс Иван Дмитриевич и прошёл в гостиную. Там Путилин присел в кресло пурпурного бархата и закурил сигару. Через пять минут служанка принесла на подносе чайник и столь любимые Иваном Дмитриевичем имбирные пряники в стеклянной вазе и синюю чашку. Начальник сыскальной полиции не знал, что делать – идти спать, но не смотря на усталость, не было особого желания. Он вытянул ноги во всю длину.

– Сегодня, значит, Государя повидали? – восхищённо с придыханием произнесла Глаша. У самой светились глаза, словно это она сегодня побывала на приёме во дворце.

– Повидал, – Иван Дмитриевич потянулся за чайником.

Женщина еще с минуту постояла, хотела послушать рассказ и, вознамериваясь что—то сказать, но так и не решилась, только махнула рукой и пошла к двери, у которой обернулась:

– Ещё что надо, Иван Дмитрич?

– Нет, нет, – Путилин произнёс, не поворачивая головы, продолжая наливать в чашку чай, аромат которого разнёсся по гостиной, – ступай, если что надо, то я сам.

Стеариновые свечи, не зажигаемые по другим дням и скромно стоящие на столике, разливали яркий свет по комнате. Путилин в честь награждения решил их зажечь.

Не каждый день изволит принять Его Императорское Величество. Конечно, Иван Дмитриевич был горд этим обстоятельством, но давила на плечи усталость. В сыском всего двадцать восемь сотрудников и это на всю семисоттысячную столицу. Каждый день прибывают из разных мест люди. Вот ещё недавно дома едва до Екатерининского канала доходили, а сейчас строятся уже и за Обводным. Там и раньше беспокойно бывало, а по нынешним временам самая бандитская слобода, что ни день так грабёж или нападение на мирных поселян, хорошо, что в ход ножи редко идут, а так...

Иван Дмитриевич поднялся и достал из заветного шкафчика бутылку настойки, привезённой из далёкой Сибири одним знакомым купцом и настоящей, как тот говорил, чуть ли не на пятидесяти травах. Налил маленькую рюмку, посмотрел сквозь неё на свет. Напиток заиграл золотистыми лучами.

Настойка была слегка пряной и немножко горчила. Путилин позволял себе иногда фужер—другой вина или рюмку кое—чего покрепче, но никогда не имел к крепким напиткам склонности, даже четыре года тому, когда душу разрывало на части от того, что с позволения высшего начальства жена Ивана Дмитриевича получила разрешение на развод из—за его постоянных измен. В дома опустело, и Путилин стал задерживаться сутками на службе, чтобы только не возвращаться в безмолвную квартиру. И даже тогда он не стал искать дно в стакане, чувствуя собственную вину за происшедшее.

Глава вторая. Происшествие на Курляндской улице

Утром 9 февраля, в субботний день масленичной недели в полицейскую часть явилась обеспокоенная хозяйка доходного дома по Курляндской улице госпожа Панова. Она заявила, что третий день приходят из артели скорняков и пытаются разыскать живущих в подвальной квартире работников.

Несколько раз к ним стучались, но тщетно. Внутри нет возможности заглянуть – дверь заперта, окна плотно закрыты занавесками.

Исчезновение жильцов и тишина в квартире насторожили хозяйку. Заподозрив неладное, а то и преступление, она попросила, чтобы околоточный ради успокоения соблаговолил распорядиться взломать дверь и проникнуть в жилище.

– Голубушка, успокойтесь, – околоточный протянул встревоженной женщине стакан воды, она не стала противиться, но и не пригубила.

– У меня на сердце тревожно, – произнесла госпожа Панова, – их шесть душ. Живут у меня, почитай, лет пять и никогда такого не бывало, чтобы они так все бросили и без предупреждения съехали.

– Нет ли, госпожа Панова, за ними какого—либо долга?

– О, что вы! – женщина скользнула по лицу околоточного взглядом. – За прошедшие годы не было ни единого случая, чтобы Морозов задержал оплату. Нет, нет, – запротестовала она, – не может быть! Я подозреваю здесь злодеяние, – она понизила голос, словно кто—то сторонний мог услышать ее слова, – прошу вас, ломайте дверь.

– Хорошо, если таково ваше желание.

– Да, да, господин полицейский, я прошу вас.

Через четверть часа околоточный в сопровождении хозяйки шествовал на Курляндскую, хотя участок и находился недалеко, но полицейский то и дело подносил руки к мерзнувшим ушам.

– Однако и морозец нынче, – бросил он впервые за время пути у самой квартиры, дверь в которую надо было взломать. Не доверяя словам хозяйки, околоточный самолично заглянул в каждое окно, которые находились на уровне земли. Для этой цели ему пришлось несколько раз становиться коленями на рогожку, принесённую услужливым дворником.

– Третьего дня я видел Степан Иваныча.

– Утром, вечером? – нетерпеливо спросил полицейский, отряхивая с пол шинели несуществующую грязь.

– Вечером—с, Ваше благородие, вечером—с, они с семейством вернулись.

– Что я должен тебя за язык тянуть, дубина.

– Часу десятом, а может и одиннадцатом. Я, ваше благородие, часов не имею, а звон прослушал.

– Понятно, – околоточный потёр руками уши, – а после?

– Опосля, нет, – дворник склонился в полупоклоне, – они, как вошли, так более я их не видел.

– Неси топор.

– Топор? – переспросил дворник.

– Чем ты дверь ломать будешь? – произнесла вмешавшаяся в разговор госпожа Панова.

– Сей минут, – и, поставив лопату у лестницы, спускавшуюся на семь ступенек вниз к подвальной двери, где располагалась квартира жильцов, дворник побежал в свою каморку. Через некоторое время он вернулся и протянул топор околоточному.

– Ты что, сволочь, мне суёшь? – Рассвирепел полицейский, – ломай.

Хозяйка запричитала, когда от двери на площадку полетели большие щепки.

– Аккуратнее, изверг, аккуратнее, дверь—то денег стоит.

Наконец дерево поддалось, и дверь распахнулась, едва не задев дворника. Из проёма пахло затхлостью и холодом, что пробежали мурашками по спине.

Околоточный отодвинул в сторону дворника и переступил порог. Проем встретил темным пятном.

– Принеси лампу или свечу какую, – произнёс полицейский, не оборачиваясь. Сам закрыл глаза, чтобы привыкли к темноте, царившей в квартире.

В сажени от двери лежал то ли мешок, то ли...

Околоточный сощурил глаза и замер.

– Ваше благородие, – за спиной раздался голос, и полоска света поползла по покрытому инеем полу, на миг задержалась на предмете, привлёкшем внимание, двинулась по нему вверх.

– Ваш... – голос дворника задрожал, как и его руки, державшие лампу. Послушный свет затрепетал, – это ж Степан...

– Назад, – прохрипел не своим, а каким—то чужим хриплым голосом полицейский и сам ступил назад, опершись о косяк, – лампу, – протянул руку, – стойте здесь, – сам же вновь переступил через порог.

То, что он принял за мешок, оказалось телом мужчины, лежащим на животе. Голова проломлена и рядом с нею расплылась когда—то лужа крови, теперь превратившаяся в чёрное ледяное пятно.

Дальше околоточный не пошёл, поднял повыше лампу, со своего места он видел ещё двоих, но не понял детей или мужчин.

Лампа больше чадила, чем давала света, с минуту постоял и вернулся к двери, тяжёлыми шагами поднялся по ступеням.

– Вы, госпожа Панова, оказались правы, – на бледном лице дрожали посеревшие губы, – ты, голубчик, – он обратился к дворнику, – беги к приставу. Знаешь, где живёт?

– Никак нет—с.

– Августин Иванович проживает в доме господина Паля, а ты, – он повернул лицо к городовому, сопровождающему его, – на Большую Морскую, в сыскное и живо мне.

– Что передать господину приставу—с? – дворник мял в руках зачем—то снятую шапку.

– Ты ещё здесь? – удивился околоточный. – Передай, – на секунду запнулся, махнул рукой, – убийство, скажи на Курляндской. Одна нога здесь, бегом. Да, по дороге забеги в госпиталь к доктору Рихтеру пусть сюда поспешает.

– Так точно—с, Ваше благородие.

Хозяйка доходного дома госпожа Панова порывалась что—то сказать, но так и не решилась. Околоточный не чувствовал холода, даже озябшие ноги перестали беспокоить. Тяжёлое дыхание выдавало крайнюю степень раздражения.

3 участок Нарвской и так славился злодейскими преступлениями, а здесь... В поздний час лишний раз жители из дома носа не казали, а здесь крови чуть ли не вся квартира залита. Много её в своё время околоточный на военной службе повидал, а чтоб так. Становилось неуютно от бессмысленной смерти. На войне хоть вражеская землю кропит...

Полицейский продолжал держать бесполезную на улице горящую лампу в руке, второй хлопал по ноге, сам того не замечая.

Как ни странно, но первым прибыл начальник сысчного отделения господин Путилин. Он живо выпрыгнул из саней и махнул извозчику, чтобы тот не ждал. Вслед за ним приехали два помощника: чиновник для поручений штабс—капитан Орлов и губернский секретарь Миша Жуков.

– Добрый день, Иван Дмитриевич, – первым поприветствовал начальника штабс—капитан.

– Добрый, добрый, – лицо Путилина хотя и не выражало крайней степени раздражения, но приближалось к таковому. День он собирался посвятить отдыху, съездить в Парголово к приятелю, который давно зазывал в гости, но в душе Иван Дмитриевич ждал подобного развития событий – в столице и чтобы день прошёл без происшествий? Это только в романах тишь да благодать, а в жизни много зла.

Околоточный с удивлением посмотрел на мешавшую ему лампу, поставил на запорошенный снегом двор и подошёл к приехавшим.

– Здравия желаю, господин Путилин, – полицейский приложил руку к голове и щёлкнул каблуками, на бледных щеках заиграли желваки.

Иван Дмитриевич в ответ только кивнул головой и произнёс:

– Что стряслось?

– Утром в участок явилась госпожа Панова, – околоточный указал на женщину, стоявшую в стороне и теребившую от волнения в руках платок, – обеспокоенная за жильцов, которых не видела несколько дней. По просьбе я взломал дверь и там обнаружены мёртвые хозяева.

– Сколько?

Околоточный не ответил.

– Хорошо, – Путилин нервически засопел, – обеспечьте свечами, лампами, фонарями для обследования квартиры.

– Так точно, – полицейский удалился для выполнения распоряжения начальника сыскного отделения.

– Иван Дмитрич, – Жуков ступил вперёд, – разрешите? – он указал на горящую лампу.

– Не стоит, – пробурчал Путилин, – натопчешь.

– А что ждать? – Миша, как всегда рвался вперёд, проявляя служебное рвение.

Вернулся околоточный и хозяйка с двумя масляными фонарями и подсвечником.

– Вот, – полицейский произнёс почему–то обрадовано.

– Хорошо, – Иван Дмитриевич взял в руку один из фонарей и начал тяжело спускаться вниз, на последней ступеньке обернулся, – сколько их душ тут жило.

– Семь, – торопливо произнесла хозяйка и, когда Путилин отвернулся, добавила, – детей трое.

За ним шёл штабс–капитан, отодвинув в сторону младшего помощника Жукова.

Из открытой двери несло холодом, Путилин ступил во внутрь, прищулив глаза и подняв над головой фонарь.

В небольшом коридоре стояла скамья, на которой водружено было деревянное ведро с ковшом. Иван Дмитриевич отметил, что вода покрыта льдом.

В трёх шагах от входа лежал мёртвый мужчина, лицом вниз. Затылок был раздроблен и заполнен замёрзшей кровью, которая ещё тёплой натекла лужей вокруг головы. Сейчас кристаллами блестела в свете фонаря.

Путилин осмотрелся, подходящего оружия рядом не нашлось. Иван Дмитриевич обошёл тело и ступил в большую комнату, посредине которой возвышался деревянный стол из струганных досок, занимавший почти половину пространства, на нем одиноко стоял полуведёрный самовар с округлыми боками, отодвинутые в стороны две скамьи. В углу широкая кровать с брошенными на неё одеялами и поверх них мешком лежал ещё один мужчина с повёрнутой в сторону головой. Отчего открытый его глаз казался стеклянным и рот чернел провалом в седых волосах бороды. Острые кости торчали из виска, смерть не скрывала полученной дани. Мужчина был убит тем же оружием. Иван Дмитриевич склонился над кроватью, поднося ближе фонарь, и только тогда заметил торчащую руку. Приподнял осторожно лоскутное одеяло, под ним оказался ещё один труп.

– Третий, – прошептал себе под нос, – третий.

Четвёртого, вернее четвертую, он не заметил сначала, но когда увидел на полу размазанный едва заметный на тёмном кровавый след, наклонился и заглянул под стол. Женщина явно помешала проходу убийцы и поэтому её отодвинул.

Удар был нанесён в лицо, превратив его в кровавую кашу, и Иван Дмитриевич только по волосам предположил, что женщина не так стара.

В маленькой, дальней комнате стояло две кровати. На одной в рядок лежали три фигурки, три ребёнка, лица повернуты в сторону стены и смерть их забрала во сне. Они даже не почувствовали, как убийца раз за разом наносил удары, целясь в висок. Скорее всего, погодки, предположил Путилин. Взгляд затуманился, не хватало воздуха. Иван Дмитриевич переложил фонарь в левую руку и поднёс освободившуюся к груди. Что—то там перехватило, не давало вздохнуть полной грудью.

– Иван Дмитриевич, – позвал начальника штабс—капитан из большой комнаты и не видевший побледневшего лица Путилина, – здесь и смотреть нечего, пусто, следов никаких.

– Василий Михайлович, ищите топор, – не оборачиваясь, произнёс начальник сыскного отделения, сам не мог отвести взгляда от разбитых детских голов, – убийца где—то бросил здесь, хотя...

– Топор?

– Обухом он их, только не пойму, почему убитые вели себя так, словно сами шли на убой.

– Может не один был? – Волков присел у плиты, поставив масляный фонарь на пол, поднял скомканное полотенце.

– Может и не один, – Иван Дмитриевич осмотрел цепким взглядом комнату, но стены были пустые и безжизненные, словно люди, жившие здесь, остановились только на ночь.

Штабс—капитан открыл заслонку печи.

– А вот и топор, – достал лезвие из погасшей давно печи.

– Что? – повернулся Путилин.

– Говорю, топор в печи был, – повторил Василий Михайлович и поднялся с корточек, – он топор, говорю, в печь засунул.

– Мог бы и так бросить.

– Да нет, – возразил штабс—капитан. – Убийца это с умыслом сделал, чтобы рукоятка сгорела. Наверное, приметная была.

– Может быть, – и распорядился, – топор в сыское.

Василий Михайлович только улыбнулся, у Ивана Дмитриевича была неприятная черта вваливать на свои плечи все расследование. Нет, это не от недоверия, а всегда хотел держать нити в своих руках, тогда он чувствовал, что ничто не ускользает и далее следствие движется в нужную сторону.

Жуков держал в руке масляную лампу, с которой ранее ходил околотошный. Миша отметил, что на плите ничего не стоит.

«Значит, – мелькнуло у него, – хозяева только пришли, успели зажечь огонь в плите, убийца потом бросил туда топор».

Путилин подошёл к двери и обернулся, словно в первый раз увидел маленькую комнату. Начал медленно обходить слева на право, исследуя каждый тёмный уголок, поднося фонарь, но ничего нового не заметил. Откинул одеяло, показалось странным, что дети лежали одетыми. Наклонился ниже, дорожка из капель крови показывала, что детей перенесли сюда. Сразу возник вопрос: зачем?

Больше ничего интересного в комнате не было.

Иван Дмитриевич нахмурил лицо, покачал головою, потом в недоумении пожал плечами.

Большая комната тоже ничего нового не добавила, только в углу стоял деревянный кованный железом сундук со сломанным замком, видимо крышку поддевали тем же топором, что

и явился орудием убийства. Внутри лежали вещи, но создавалось впечатление, что убийца в них копался, наверное, что—то искал. Хотя, что можно искать в такой бедной квартире? Тараканов? Но и те сбежали от голода.

Глава третья. День первый, нервический, тревожный

– Ивану Дмитриевичу наше почтение, – на улице Путилина встретил подполковник Калиновский, шестой год занимавший должность пристава 3 участка Наврской части. Высокий ростом, с пышными усами и бакенбардами, не иначе в подражание Государю Императору, всегда подтянутый, словно не пятьдесят третий год за плечами, а так и не вышел из юношеского возраста.

– Утро доброе, Августин Иванович, – пожал протянутую руку Путилин, – доброе. Давненько не виделись?

– Бог с вами, Иван Дмитриевич, в прошлом месяце, когда на Дровяной тех злодеев вязали.

– Вспомнили, – Путилин отмахнулся, – прошлый месяц для меня подобие прошлого века, событий столько, что только успевай отслеживать.

– Вижу в здравии, слышал, Государь вас наградой отметил. Примите поздравления.

– Благодарю, как ваше семейство? Как супруга?

– Слава Богу, живы—здоровы.

– Поклон Варваре Тимофеевне. Августин Иванович, прошу прощения, но мне надо дать распоряжения агентам.

– Ваше право.

Путилин отошёл в сторону, во время осмотра квартиры приехали вызванные из дому чиновники для поручений надворный советник Соловьёв и коллежский ассессор Волков, а вместе с ними и четыре агента сысского отделения.

– Господа, столь ужасного преступления не было давно, поэтому вы, Иван Иванович, – он посмотрел на Соловьёва, – с агентом обойдите дом и расспросите каждого жителя, вплоть до младенцев, вы, Иван Андреевич, – Путилин обратился к Волкову, – опросите дворников соседних домов, начиная от Старого Петергофского проспекта до Таракановского канала, вы распоряжайтесь тремя. Миша, – Иван Дмитриевич задумался, – где трудились убитые?

– Я спросил у дворника, тот ответил, что в скорняжной артели.

– Тогда живо туда, хотя сегодня праздничный день. Все равно к старосте, а мы, – Путилин обернулся к штабс—капитану, посмотрим ещё раз квартиру, – повернулся и пошёл к приставу.

– Что вы скажите о преступлении? – подполковник Калиновский не стал спускаться в подвал, где жили убитые. Он доверял Путилину всецело, особенно его чутью и сметливости, о которых в воровских и преступных рядах слагали замысловатые легенды, что, мол, Иван Дмитрич посмотрит на ограбленного и сразу может назвать человека, который пошалил или по одному следу на месте преступления готов назвать имя убийцы.

– Я затрудняюсь ответить, Августин Иванович, на ваш вопрос, – Путилин смотрел себе под ноги, размышляя о чем—то своём.

– Иван Дмитриевич, я вас не узнаю.

– Да, – сказал Путилин, хмуря тёмные брови, – несомненно, одно, что убийца – настоящий зверь, трёх ребятишек и тех, – он оборвал фразу и добавил, – зверь, никакой жалости в нем.

– Вы думаете, он был один? – Подполковник тоже изменился в лице, на лбу появилось складки.

– Пока рано предполагать, извините, – Иван Дмитриевич быстрым шагом направился к вызванному им ранее фотографу, тот выслушал и начал спускаться по ступенькам, неся в руках больших размеров фотографический аппарат, укутанный толстым материалом, напоминавшим бархат, следом шёл помощник, несший покрытый лаком ящик.

– Тпру, – раздалось во дворе, и остановились сани, из которых, кряхтя, вылез довольно толстый господин, шумно дыша.

Путилин обернулся, и взгляд его стал суровей, а брови сомкнулись на переносице.

– Здравствуйте, Николай Фёдорович, – произнёс с улыбкой подполковник Калиновский.

– Здравствуйте, – ответил вышедший из саней титулярный советник Русинов, судебный следователь 13 участка, к которому приписана Курляндская улица. Он вытер вспотевшее на таком морозе лицо белым бумажным платком, – вижу, сыские меня опередили, – маленькие глазки на заплывшем лице выглядели двумя черными точками, – видимо преступников отыскивали и меня только зазря из—за стола подняли.

– Мы говорили о злодеянии с Иваном Дмитриевичем.

– И что нам поведает начальник сыского отделения? – Николай Фёдорович словно бы и обращался к Путилину, но в то же время делал вид, что не замечает Ивана Дмитриевича.

– Я думаю, сегодня что—нибудь с Божьей помощью и прояснится.

При титулярном советнике Путилин обычно играл роль недалёкого служаки, только и способного с превеликим удовольствием награды получать и лишь бы делом не заниматься. Русинов до того был честолюбив, что не терпел рядом с собою умных людей, поэтому при всякой возможности от них избавлялся и всячески старался при случае препятствовать следствию, когда такое случалось. Иван Дмитриевич года три тому, когда впервые столкнулся с титулярным советником, понял, что тот чинит препятствия розыску из—за боязни потерять тёплое место, на котором, как говаривали, Николай Фёдорович грел свои руки. И теперь лучше слыть перед титулярным советником недалёким человеком, чем испытывать непреодолимые препятствия. Русинов испытывал большое чувство зависти. Что ему выше титулярного советника не подняться по табели о рангах, а эта деревенщина, начальник сыского отделения, уже почи-тай два года, как статский советник.

– Не забудьте свечку в храме поставить, авось поможет, – напутствовал судебный следователь, скрестив руки на животе, бесстыдно поднимающем спереди полы шубы.

– Непременно, – Иван Дмитриевич льстиво улыбнулся. – не желаете взглянуть на место преступления?

– Нет уж, увольте, – господин Русинов приложил к носу платок, словно и действительно из подвала доносился запах тлена. – Я думаю, в рапорте вы все изложите.

– Непременно.

– Как мне доложили, семь убиенных там, – Николай Фёдорович махнул платком в сторону дома.

– Нет, там их восемь, – Путилин смотрел на дверь в подвальную квартиру, – из них трое – ребятишки: семи, восьми и десяти лет.

– Варварство, – скривил лицо титулярный советник, – определённо варварство. Никогда наш народ не поднимется до высот европейской цивилизации.

– Николай Фёдорович, зачем же так, – вмешался в разговор подполковник, – вот я на днях в «Ведомостях» читал о кровавом убийстве в Берлине, там убиенных ничуть не меньше и преступление, отнюдь, не менее кровавое.

– Я тоже читал, – вступился Русинов за Европу, – но с каким изяществом оно совершено, с какой выдумкой.

– Да, вы правы, господин Русинов, – Путилину больше не хотелось выслушивать речи титулярного советника, – у нас топором голову проломил и все преступление. Это не крысиным ядом всю семью. Начитались наши преступники романов, вот и смекалки никакой нет, как вы говорите, выдумки. Извините великодушно, но, увы, мне надо посмотреть ещё раз место варварского преступления, – и он направился в подвал.

– Только посмотрите на этого недотёпу, – Николай Фёдорович не воздержался от колкости, – ему на полях коров пасти, а не за преступниками охотиться.

– Зря вы так, – подполковник попытался сказать что—то в оправдание начальника сыскного отделения, но не успел.

– Нет, сударь, я знаю, что говорю, – титулярный советник пошёл красными пятнами, – неоднократно, – подчеркнул он, – я повторяю, неоднократно мне пришлось убеждаться в этом.

Калиновский снял с своего плеча несуществующую пылинку и ничего не ответил, зная об отношениях судебного следователя и Ивана Дмитриевича, решил отмолчаться.

Когда начальник сыскного отделения вошёл в квартиру, прибывший незадолго до этого доктор Рихтер осматривал убитого, которого для удобства положили на стол.

Путилин поздоровался, Рихтер только кивнул в ответ, продолжая осматривать рану на голове.

– Иван Дмитриевич, голубчик, сейчас я вам сказать ничего не могу, осмотрю всех, тогда выскажу свои соображения.

– Благодарю, – Путилину не хотелось возвращаться во двор, где стоял немым укором судебный следователь, но пришлось. И Иван Дмитриевич направился к хозяйке доходного дома госпоже Пановой, стоявшей рядом с околоточным.

– Доброе утро, сударыня, – Путилин приподнял шапку, – вы подняли тревогу в околотке.

– Совершенно верно, господин Путилин, – за хозяйку ответил околоточный, который испытал на себе укорительный взгляд начальника сыскного отделения.

– Да, да, я забеспокоилась, – торопливо произнесла госпожа Панова, – когда два дня подряд из скорняжной артели приходили и спрашивали. Почему мои жильцы не появляются в мастерской.

– Почему именно сегодня вы проявили такое беспокойство?

– Показалось странным, ведь жильцы никогда не пропускали церковных служб, а здесь...

– Госпожа Панова, если не ошибаюсь?

– Серафима Львовна.

– Скажите, а почему именно сегодня?

– Не могу объяснить, господин Путилин, что—то в сердце ёкнуло, и такая тревога с утра охватила, что не могу объяснить.

– Когда вы видели их в последний раз?

– Я с неделю тому, а вот наш дворник...

– Извините, Серафима Львовна, но с дворником мне хотелось поговорить особо. Вы ничего не замечали за жильцами?

– О них ничего плохого сказать не могу, уходили рано, приходили поздно, оплачивали вовремя. Ни разу не задержали.

– А дети?

– Они тоже трудились в артели.

– К ним кто—нибудь приходил?

– Вот об этом лучше расскажет дворник.

– Не буду вас задерживать, – и Иван Дмитриевич направился к дворнику, который стоял в окружении любопытных и что—то рассказывал.

– А кровищи—то, весь пол... – только и успел услышать Путилин, дворник умолк.

Начальник сыскного отделения жестом поманил дворника к себе, тот виновато улыбнулся и, не зная, куда деть лопату, с ней в руке подошёл к Ивану Дмитриевичу.

– Здравия желаем—с, ваше высочорodie, – он стоял в полупоклоне.

– Знаешь меня?

– Кто ж в городе не знает господина Путилина? – ответил вопросом на вопрос подошедший.

– Тогда знаешь, что недомолвок, а тем более неправды не приемлю.

- Наслышан, ваше высокородие.
  - Можешь, Иваном Дмитричем называть.
  - Как прикажете—с.
  - Что расскажешь об убиенных?
  - Степан Иваныч – мужик справный был, хозяйственный, семью в руках держал, спуску не давал. У него не забалуешь, то бишь уже не забалуешь.
  - Понятно. Кто у него бывал?
  - Дак не любил Степан Иваныч гостей.
  - Таки никто?
  - Нет, недавно Степан Иваныч хвастался, что скоро переедет из подвала на хорошую квартиру, заживёт по—человечески. Сам себе хозяином будет. Я, было, начал его расспрашивать да он только улыбнулся в ответ.
  - Значит, не знаешь?
  - Никак нет. Вот, правда, с неделю к ним земляк забегал.
  - Не тyani, кто такой?
  - Ей Богу не знаю.
  - Как выглядел.
  - Ну как? Обыкновенно.
- Иван Дмитриевич тяжело вздохнул, что дворник аж голову от робости втянул.
- Ну?
  - Роста маленького, чуть повыше плеча будет, – дворник показал рукой, – в овчинном чёрном полушубке, шапку я не запомнил, а вот глаза такие маленькие, бегающие, словно задумал что стащить. Борода тёмная с проседью.
  - Больше ничего не приметил?
  - Во, – обрадовался дворник, – ногу слегка волочил, как утка.
  - Это уже примета. Земляк говоришь. Сколько в семействе Степана Ивановича душ было?
  - Семь.
  - Семь?
  - Как есть шесть, Степан Иванович, – начал перечислять дворник, – его сыновья Степан и Иван, жена Степана и их ребятишки Ванька – старший, Стёпка – средний и Гришка – младший. Итого семь.
  - Семь говоришь, – повторил Иван Дмитриевич, – а убиенных—то восемь.

Глава четвертая. Убиенный под номером восемь

Дворник указал каждого из семейства Степана Ивановича, а вот о восьмом поведал, что видит—де в первый раз и никогда ранее не встречал. Околоточный пожал плечами: «Не доводилось встречать», хозяйка долго думала то ли вспоминая, то ли от нервного состояния, бросала взгляды на разбитую голову и подносила платок к лицу.

«Лишь бы чувств не лишилась», – подумал Иван Дмитриевич, глядя на побледневшую госпожу Панову.

Судебный следователь так и остался стоять во дворе, только, когда уходил, громко, чтобы слышали окружающие, произнёс:

– Господин Путилин, рапорты пришлите с посыльным не позднее трёх, нет, пожалуй, не успеете, четырёх часов.

Паспорта и иных бумаг, указывающих на личность убиенного, при трупе найдено не было. Он так и остался в бумагах, как «неизвестный мужчина сорока пяти – пятидесяти лет».

Чиновники по поручениям сидели на стульях – Соловьёв у стола, а штабс—капитан Орлов у окна, закинув ногу за ногу, коллежский асессор Волков порывался подняться, но так и остался сидеть рядом с Иваном Ивановичем.

Сам же Путилин прохаживался по кабинету медленным шагом, заложив руки за спину. Выражение лица выдавало признаки озабоченности. В такие минуты сотрудники сыскного отделения старались не мешать Ивану Дмитриевичу.

Раздался стук в дверь.

Путилин остановился, но не успел произнести ни слова, как дверь отворилась и в образовавшейся щели появилось лицо Миши Жукова.

– Разрешите, Иван Дмитрич!

Начальник сыскного только махнул рукой и продолжил вышагивать по кабинету, словно пытался что—то навестать.

Младший помощник почти на цыпочках подошёл к свободному стулу у начальственного стола, но не посмел сесть, так и остался стоять, взявшись обеими руками за спинку.

– Господа, в данном деле много неясностей, – без предисловий начал Иван Дмитриевич, – восемь убитых, восемь, – он остановился, – притом неизвестный. Если о пропаже его не будет заявлено участковым приставам, то я боюсь, он так и останется неизвестным, хотя... Впрочем давайте по порядку, господа. Да, куда отвезли убитых?

– В Александровскую, – ответил Орлов.

– Почему не в Обуховскую?

– Иван Дмитриевич, распорядился доктор Рихтер, ведь он служит в Александровской и делать вскрытие будет там именно он.

– Понятно.

– Наверное, продолжу я, – кашлянул в кулак Жуков, прежде чем начать говорить, – убитые трудились в скорняжной артели, что находится на Бумажном канале. В артели шестнадцать человек, все из Княжевской волости Ямбургского уезда, но разных деревень. Образовали артель четыре года тому. Работали, как сказали каждый день, когда не пришёл Степан Иванович Морозов с семейством заподозрили неладное, но пришли на квартиру только на третий день.

– Чем объяснили? – нахмурился Иван Дмитриевич, так и продолжавший стоять посреди кабинета.

– Поначалу справлялись с работой сами, подумали, мало ли что могло произойти, а вот на третий день решили навестить.

– Так.

– Пришли, а там закрыто. Они сперва к дворнику, а уж потом к госпоже Пановой, владелице доходного дома.

– А дальше вам известно. Да, – спохватился Жуков, Иван Дмитриевич предпочитал не торопить сотрудников сыска, но строго спрашивал за забывчивость, – убитый Степан Иванович Морозов, шестидесяти двух лет от роду, православного вероисповедания, как я говорил, Княжевской волости, деревни Ильеши. Приехал шесть лет тому, последние пять лет проживал в доме госпожи Пановой вместе с сыновьями Степаном, тридцати семи лет, и Иваном, тридцати двух.

– Далее.

– Жена Степана Марфа, тридцати четырёх лет, и трое сыновей: Ваня – десяти, Степан – восьми и Гриша – семи лет.

– Н—да, – Путилин прошёл к столу и сел в кресло, – восемь душ, насильственно лишённых жизни, топор с почти сгоревшей рукояткой и более ничего.

– Иван Дмитрич, – почесал нос штабс—капитан и, словно бы в издёвку, добавил, – восьмой вообще неустановленная личность.

Путилин положил руки на стол, но тут же убрал их и сам откинулся на спинку.

– О земляках что выяснил в артели? – начальник сыска отделения повернул голову к Жукову, тот пожал плечами:

– Об этом ничего, – покраснел Миша, прикусив губу.

– Ты спрашивал?

Миша потупился:

– По чести говоря, нет.

– Вернёшься туда и разузнаешь, – Путилин нацелил в Жукова указательным пальцем, – заодно спросишь, не имел ли Морозов желания уйти из артели.

– Так точно, разрешите?

– Господин Жуков, – жёстко сказал Иван Дмитриевич, – когда же ты научишься внимательно слушать. Поначалу получи полную картину, а уж потом спеши выполнять. Иван Иванович, чем закончились ваши расспросы?

– Мне добавить, Иван Дмитриевич, к сожалению нечего, – Соловьёв поднялся с места, хотя Путилин не требовал от своих сотрудников такого, – все пять лет, что Морозовы занимали квартиру, жили особняком. Поздороваются и к себе, а иной раз и на приветствие не отвечали. Дети постоянно с ними были то в артели, когда уходили работать, то дома. Им не позволялось на улицу выходить.

– Значит и здесь ниточка обрывается. В прочем... А вы чем порадуете, Иван Андреич?

– Мне добавить нечего, – развёл руками Волков.

– Что ж, – подытожил Путилин, – нет, как говорится, худа без добра. То, что наши Морозовы были такими нелюдимыми, есть определённое преимущество.

Миша вздёрнул вверх брови, на языке вертелся вопрос, но стерпел и не стал выказывать интерес.

– У них мало знакомых и чужого они бы к себе не пустили, так?

– Так то оно так, это верно, – штабс—капитан перебил Ивана Дмитриевича, но тот даже не взглянул на Орлова, – но с другой стороны напоминает поиски иголки, прошу прощения, в стоге сена.

– Не знаю, – постучал по столу пальцем Иван Дмитриевич. – может и напоминает, но за пять, нет шесть лет жизни в столице Морозов мог и обзавестись знакомствами в Петер-

бурге, но что—то мне подсказывает – не тот человек. Поэтому надо начинать с приезжих из деревни. Как, Миша, она прозывается?

– Ильеши.

– Вот с неё и надо, а уж потом и со всей Княжевской волости.

– Я готов, – подтянулся Жуков.

– Нет, Миша, ты не исправим, – погрозил Путилин, – я тебя на Сенной отправлю, там мне шепнули Сенька Кургузый объявился.

– Я и туда готов.

– А вы, что нам поведаете, Василий Михайлович?

– Мне кажется, Морозов действительно знал своего убийцу. Помните, что дворник говорил: Степан Иваныч похвастался переездом на квартиру и открытием своего дела? Вот, я думаю, первая ниточка, за не стоит и дёрнуть, но тау, чтобы не оборвалась. Морозов собирался что—то покупать, копил деньги, именно поэтому жил в такой нищете, откладывал каждую полушку.

– Продолжайте.

– Вот я и думаю, а не является ли продавцом тот, маленького роста в черном овчинном полушубке мужичок?

– Вполне может быть.

– И топор продавец, если его можно так окрестить, мог принести с собою.

– А как же он их обухом—то? – произнёс Соловьёв, – они, что очереди своей ждали, как быки на бойне?

– Нет, – продолжил штабс—капитан, поднимаясь со стула, – я думаю, убийца их поджидал дома и там по одному, потом оттащил кого в кровать, кого под стол, а сам хозяин вернулся последним.

– Но убийца мог украсть деньги, если знал о них.

– Мог, но подозрение в первую очередь пало бы на него, ведь вероятнее всего сделка держалась в тайне. Морозов не стал бы о ней рассказывать, то, что сказал дворнику, ради красного словца, скорее всего, вырвалось от похвальбы, что, мол, не смотри на наше нищенство, скоро, как люди заживём. Барин прозывается буду. Не более.

– В ваших словах есть здравый смысл, но это не исключает, что продавец совсем незнакомый человек Морозову.

– Нет, Иван Дмитриевич, исключает. Посудите сами, Степан Иваныч по трактирам и кабакам не ходил. В артель и домой, значит, знакомый либо волостной, либо, что вероятнее всего, деревенский.

– Может быть, вы правы, Василий Михайлович, мы можем установить в Адресной экспедиции всех приехавших из Княжевской волости.

– Можем.

– Тогда вы займитесь экспедицией, Жуков артелью, а вас я прошу заняться, – Путилин обратился к Волкову и Соловьёву, – Сенькой Кургузый, думаю, не просто так он снова вернулся в столицу. Как мне стало известно, он иногда бывает в поздние часы в небезызвестном Заведении на Сенной.

– Мадам генеральши?

– Совершенно верно.

– Сведения верны? – спросил Иван Иванович.

– Я всецело доверяю лицу, поставившему меня в известность. Только не вспугните, у него нюх волчий на засады. Господа, я прошу предельной осторожности. Убийцы – люди непонятные и им терять нечего, что душегубу с Курляндской, что Сеньке. Я же к доктору Рихтеру в Александровскую.

Александровская больница занимала несколько зданий в два и три этажа на набережной Фонтанки, выкрашенные в жёлтый цвет с белыми полосками по проёмам окон. Парадный вход находился со стороны Троицкого проспекта, маленький садик перед ним огорожен металлической решёткой, окрашенной в чёрный цвет.

Иван Дмитриевич поправил воротник пальто, который поднял во время езды, чтобы холодный ветер не хлестал колючими иголками по щекам.

Темнеет в Петербурге рано, поэтому зимняя луна серебрила упавший снег, не убраный дворниками. Проспект был пустынен. Стены Троицкого собора высились сурово и строго, потемневшими куполами сливаясь с небом, но оттого только волшебнее становился маленький палисадник, с деревьями, покрытыми белоснежными шапками, теперь приобретающими сероватый оттенок. Причудливые переплёты окон освещались изнутри лампадами и свечами, казалось, что там, в темноте есть кто—то, зорко надзирающий за тем, что делается снаружи.

Путилин перекрестился на собор и пошёл ко входу немного неуклюжей медвежьей походкой, размахивая тростью.

Стоящий у входа привратник указал, что господин Рихтер, как привезли с Курляндской убитых, так находится в прозекторской, и вызвался проводить Ивана Дмитриевича, хотя тот и знал, где располагался кабинет, но от провожатого не отказался.

— Благодарю, — произнёс Путилин и шагнул в прозекторскую, в нос шибануло едким запахом формалина, что защипало в глазах и появились слезы.

Доктор был одет в синий халат, поверх которого накинута клеёнчатый фартук, на руках перчатки.

Иван Дмитриевич приложил руку с платком к лицу.

— Рановато вы, Иван Дмитрич, рановато, — обернулся к нему доктор Рихтер и, увидев на глазах старого сыщика слезы, криво улыбнулся, — пройдёте, любезный, в мой кабинет.

— С превеликим удовольствием, — выдавил из себя Путилин и быстрыми шагами покинул прозекторскую.

Кабинет самого доктора был небольшим, но из—за обилия книг, занимавших три стены, казался совсем крохотным.

— Прошу, — Рихтер указал рукою на стул, — не хотите чаю? — Спросил у Ивана Дмитриевича.

Путилин покачал головою, после запаха в прозекторской он не мог вымолвить ни слова, горло стиснуло, не иначе железными тисками.

— Иван Дмитриевич, вы ждёте от меня каких—то результатов?

Путилин кивнул головой, только сейчас он смог убрать руку с платком от лица.

— Отчёт, если не возражаете, представлю завтра, все—таки восемь человек.

— Нет, господин Рихтер, мне хотелось бы узнать ваше мнение.

— Что ж? Поделиться могу своими соображениями, но добавлю, Иван Дмитриевич, что это мои соображения.

— Конечно.

— Судя по характеру ран на головах убиенных, убийца был один.

Путилин кивнул головой.

— Нанесены все в височную часть головы, смерть наступила сразу, никто из убитых никаких мучений не испытывал. Убийца, исходя из силы ударов, крепкий и при том небольшого роста. И что для вас важно, Иван Дмитриевич, левша.

— Это из каких соображений?

— Бил злоумышленник дубинкой с острым краем...

— Обухом топора? — перебил доктора Иван Дмитриевич.

– Совершенно верно, – стукнул себя по лбу Рихтер, – вылетело из головы, всю дорогу гадал, но так про топор и не вспомнил. Совершенно верно, обухом. Обычно человек бьет сверху вниз и с лёгким уклоном вправо. А здесь все нанесены с левым.

– Может, удобнее замахиваться было?

– Вот именно, – улыбнулся доктор, – ему было так сподручнее.

– Вы говорите маленького роста, а это из чего вытекает?

– Тоже из удара, у взрослых мужчин нижний край раны более вдавлен в череп, чем верхний.

– Вы хотите сказать, что они нанесены одной рукой.

– Я думаю, даже могу с полной уверенностью утверждать, что это так.

– Значит, убийца был все—таки один? – спросил вслух Иван Дмитриевич.

– Это не в моем ведении знать, – Рихтер откинулся на спинку стула с зажатой в пальцах папиросой.

– О нет, – отмахнулся Путилин, – это я себе.

– Я всегда вам готов помогать, Иван Дмитриевич, что в моих силах. На телах более ран не обнаружено, только...

– Я вас слушаю.

– Либо сам Морозов—старший, либо его сыновья с невесткой, не очень жаловали детей.

– Бедные дети, – посетовал Путилин.

– Родительская рука тяжела.

– Да. Это точно, – улыбнулся Иван Дмитриевич, припоминая детство. – Благодарю, – наклонил голову в знак прощания начальник сыскного отделения и направился к двери, – да, господин Рихтер мне хотелось бы посмотреть платье, в которых были убитые.

– Хорошо, Иван Дмитриевич, я распоряжусь, чтобы вас провели.

Глава пятая. Мелочи сыскных мероприятий...

На берегу Бумажного канала стоял деревянный двухэтажный дом, принадлежавший купцу Матвею Сутугину. Его построил в начале века его дед, который купил у екатерингофского управляющего Лукина земли, простиравшиеся вдоль канала до Петергофской дороги и включавшие в себя кроме дома и небольшой сад. К западу от особняка находились службы, а с востока – прямоугольный пруд.

За этим—то сутугинским и находился дом, в котором располагалась скорняжная артель, в которую во второй раз за сегодняшний день направился губернский секретарь Жуков, сетуя на судьбу, что приходится в свете масляный фонарей тащится, черт знает куда, и на себя за то, что сразу не догадался расспросить старшину обо всем.

И «ваньки» отказывались везти за Обводный, боязно, там то и дело пошаливали разбойнички, особенно когда стемнеет. Понаехали из волостей, хоть и пошло больше десяти лет со дня Манифеста, в столицу, а здесь их никто не ждёт, тёплых мест на всех не хватает. Что остаётся, как не за кистень или нож и на большую дорогу, кушать всем—то хочется, а жить хорошо, тем паче.

Через Ново—Калинкин мост прошёл быстро. Вдоль канала гулял ветер, то и дело бросавший в лицо поднятый с парапета колючий снег. Жуков на некоторое время остановился в раздумье – идти по Старо—Петергофскому или по набережной Обводного до Бумажной улицы, а там и до канала рукой подать.

Миша решил пройтись по набережной. Оставив по левую руку доходный дом Матвеева, с обшарпанным фасадом и кое—где с отвалившейся лепниной. Пошёл, засунув руки в карманы, где в одном нащупал рукоять пистолета. Мало ли что. Дальше саженой сто не было фонарей, только вдалеке на Лифляндской виднелся столб с круглым пятном жёлтого цвета, словно месяц спустился на землю и указывает дорогу одинокому путнику.

Скоро шаг перешёл в бег, под ногами хрустел нетронутый за день снег. Только у дверей артели Миша перевёл дыхание, чтобы не выглядеть испуганной вороной, все ж таки сотрудник сыского, каждый день с разбойниками и злодеями дело имеет.

Вытер со лба пот рукавом и постучал.

Через некоторое время его провели к старшине.

– Здравия желаю, – произнёс старшина, на его лице хотя и появилась улыбка, но какая—то вымученная, словно сквозь силу, – не с новостями ли к нам о Степане?

– К сожалению – нет, – Жуков снял с головы шапку и пригладил ладонью волосы, от чего показался старшине взъерошенным воробушком.

– Чем могу помочь? Да вы присаживайтесь, в ногах правды нет, – старшина указал на деревянную скамью.

Миша посмотрел на дверь, старшина прикрыл её.

– Ежели вам так спокойнее.

– Скажи, Степан собирался уходить из артели?

– О таком не слышал, хотя чужая душа – потёмки, а Степан ещё тот был, от него лишнего слова не допросишься.

– А работником каким он был?

– Вот только хорошее сказать и могу, что сыновья, что сам, мастеровые, рукастые. У них всякое дело спорилось.

– Все—таки что—то он рассказывал?

– Ну, я говорю, что от его зимой снега не допросишься, не то, что слова.

– Так ничего не рассказывал?

– Нет, вот помню в один раз мы с ним в трактир зашли, прижимистым Степан был, каждую копейку считал, вот говорю, зашли в трактир, тогда он много зелья принял. Так вот поведал он мне, что мечта у него трактир купить и стать хозяином.

– Трактир, говоришь?

– Так, а больше все молчком.

– Земляков княжевых в столице много?

– Не так, чтобы очень, но есть немножко. Вот у нас вся артель из волости.

– А ещё?

– Дак мы не встречаемся, а в деревнях давно не были, кто знает, может, и приехали.

– Из тех, что давно сюда перебрались?

– Не могу сказать.

– К вам в артель мужичок маленького роста с темной бородой с проседью не приходил?

– Мил—человек, – засмеялся старшина, – да так полгорода ходят, каждого не приметишь.

– Он ещё ногу подволакивает.

– Нет, не припомню.

– Хорошо, – Жуков, так и не присевший на скамью, пошёл к выходу, одевая на ходу шапку.

– Вот что, мил—человек. – раздался голос старшины, когда Миша взялся за ручку, – вспомнил я. У нас из земляков, кто пораньше приехал, знаю одного, так он трактир содержит на петербургской стороне.

– И как его зовут, – заинтересовано произнёс Жуков.

– Дорофей Дормидонтыч Ильешов.

– Говоришь трактир на Петербургской?

– Так точно, называется «Ямбург».

– Давно его видел?

– Так почитай года три—четыре, у нас общих дел нет так, что... А к нему ездить далеко и времени не хватает.

– Понятно, а больше таких нет знакомых?

– Больше нет, как на духу.

– Значит, Степан замкнутым был?

– Я ж говорил, как перст, кабы не сыновья...

Будь Миша повнимательней, он бы заметил, что на Бумажной улице за ним пристроился человек, перебегавший от дерева к дереву тихими шагами, не одна льдинка под ним не треснула, словно парил над землёю.

Губернский секретарь остановился на Обводном в нерешительности: до Лифляндской ближе, но там никогда «ваньку» не словишь, а до Старо—Петергофского хоть и подальше, но он более оживлённый. Жуков повернул направо и заспешил. Ему хотелось исправить сегоднешнюю оплошность и ему хотелось самому отправиться в трактир «Ямбург», присмотреться, где стоит, как хозяин выглядит и чем дышит. Может, что и узнать удастся, глядишь и кончик верёвочки в руках почувствуешь.

Человек сзади, сперва схоронился, а потом побежал к Жукову.

Иван Дмитриевич, не взирая на поздний час и суетливый день, решил наведаться на Большую Морскую, в сыскное. Туда непременно должен явиться Миша, тот после очередных неприятных слов не то, что копытом землю рыть будет, а постарается достать из—под неё даже черта лысого.

Поднимаясь в кабинет, Иван Дмитриевич попросил дежурного чиновника принести ему стакан горячего чаю. Сейчас он жалел, что не выкроил времени и не зашёл в трактир, где мог бы и отобедать.

Дежурный чиновник принёс стакан на блюде.

– Вестей нет? – спросил после того, как кивнул головою, мол, благодарю.

– В столице спокойно, из участков о преступлениях сведений не поступало, – ответил чиновник, – распоряжения будут?

– Если явятся господа Орлов, Волков или Соловьёв, то пусть не мешкая ко мне. Передайте, непременно жду.

– Хорошо, – чиновник повернулся и вышел.

Иван Дмитриевич поднялся с кресла со стаканом в руках и подошёл к окну.

Большая Морская в отличие от окраинных улиц освещена была хорошо. Газовые фонари стояли через каждые пятнадцать саженей, да и спокойнее здесь. Преступники стороной обходили такие места, это ж не Лиговка, где и трактиров, и питейных заведений хватает, а где человек лишнего зелья принимает, там и лихих, падких на чужое людей имеется в достаточном количестве. Перед входом прохаживался городской.

«Вот кому чаю не хватает», – подумалось Ивану Дмитриевичу, но тут же мысли вернулись к сегодняшнему кровавому преступлению.

Привыкнуть к крови нельзя и на войне, не то что в мирном городе, а к убийству детей тем паче. Вот злодей где—то ходит по земле, сидит в трактире и на украденные, политые людской смертью, деньги пирует.

Иногда не укладывалось в голове. Ну, ладно украл, кто не без греха. Может, человеку кусок хлеба купить не на что, вот и вышел на тернистый путь, а когда ради денег (а были ли они у Морозовых? Вон как жили!) идёшь детей жизни лишать, Здесь зверем надо быть. Вот звери и те детишек своих не едят в голодное время, а наоборот оберегают.

Потом мысли перескочили к доктору Рихтеру. Нового ничего не узнал. Однако новость, что убийца – левша, стоит поездки и тайник в платье, Морозов— старший, видимо, деньги носил при себе, никому не доверял. А слова дворника о маленьком человеке в овчинном тулупе и подволакивающем ногу, тоже кое—чего стоят. Столица велика, по таким приметам только потерянную монету в городе искать. Никогда не найдёшь, а голова для чего, перебил себя же Путилин, надо искать все места, где Степан Иванович бывал, если он такой, как говорили жильцы дома, то он глава семейства и незнакомец приходил к нему, а это хорошая зацепка, очень хорошая. Земляки – это раз, это установить не составит труда, если конечно приезжий сдал паспорт в канцелярию участкового пристава, а не стал таиться. Не задумывал же злодей преступление давно, скорее всего, узнал что—то, топор за пояс и к Морозовым, иначе... Иван Дмитриевич остановил руку со стаканом на полпути. Вот убийца и решился на такую дерзкую выходку. Старший Морозов ходил всегда с сыновьями, и обокрасть его возможности не было.

Штабс—капитан Орлов слыл человеком настойчивым и иногда слишком уж жёстким. Из—за чего и страдал на статской службе. Ещё в бытность в юнкерском училище при 4 армейском корпусе в Воронеже Василий Михайлович проявил себя не только исполнительным, но и человеком, у которого на плечах умная и думающая голова. Не сложилась в дальнейшем служба – завистливый и недалёкий командир полка невзлюбил Орлова и сделал все, чтобы в чине штабс—капитана Василий Михайлович подал в отставку. Случайным образом он приехал в столицу, где пришёлся ко двору сыскному отделению и в особенности господину Путилину, который сразу оценил офицера.

Вот и сейчас Василий Михайлович явился в дом надворному советнику Пригаро. Тот в эту минуту благодушествовал в гостиной у камина, с хрустальным фужером в руке, наслаждаясь запахом подаренного ему пятидесятилетнего коньяка и сигарой в три рубля штука.

Когда ему доложили о приходе некоего штабс—капитана, Михаил Алексеевич сперва поморщился, словно съел дольку кислющего лимона, но потом подумал и произнёс:

– Зови!

Сам поднялся из кресла. Господин Пригаро, сам маленького роста с круглым брюшком, запахнутым на нем бархатным халатом бордового цвета с золотыми кистями, предстал перед Орловым, каминный огонь отражался от лысой головы Михаила Алексеевича.

После приветствия Василий Михайлович произнёс:

– Я приношу глубокие извинения за нарушенный покой, но обстоятельства вынуждают меня прибегнуть к вашей помощи.

– Я слушаю вас, э... – надворный советник позабыл даже фамилию потревожившего его покой человека.

– Штабс—капитан Орлов, – по старой привычке щёлкнул Орлов каблуками, – сыскная полиция.

Господин Пригаро поморщился и поставил фужер на низкий столик.

– Чем могу служить?

– Господин Пригаро, в городе произошло кровавое злодеяние...

– А я какое отношение имею к этому, – перебил надворный советник, показывая своё нетерпение, ему так хотелось вернуться к креслу, фужеру и спокойствию.

– В ваших силах нам помочь.

– Каким образом?

Михаил Алексеевич терял самообладание, мало, что какой—то там чиновник тревожит в неприсутственный день, но и давняя неприязнь к сысчному играли не последнюю роль.

– Нам необходимы адреса некоторых приехавших в столицу людей, которые могут быть причастны к кровавому преступлению.

– Вот что, голубчик, приходите в часы приёма и ....

– Господин Пригаро, вы не понимаете всей сложности нашего положения, ведь преступники могут пойти на новые злодеяния.

– Господин э...

– Орлов.

– Да, да, я помню, господин Орлов, присутствие закрыто, чиновники заняты домашними делами, а вы... мягко говоря, не совсем вовремя.

– Господин Пригаро, я бы никогда не позволил себе потревожить ваш покой в такой день и такое время, но чрезвычайные обстоятельства требуют вмешательства в столь неприятное дело.

Лицо и лысина надворного советника начали покрываться красными пятнами, которые стали видны и в свете немногочисленных свечей, горящих в гостиной.

– Сударь, вы позволяете себе слишком много вольностей, экспедиция закрыта, завтра неприсутственный день.

– Михаил Алексеевич, преступники, к сожалению, не чтут ни праздничных дней, ни присутственных, ни тем более ночи, которую мы используем для сна. В вашей власти написать записку господам либо Матвиенко, либо Григорьеву...

Надворный советник был не рад, что согласился принять наглого штабс—капитана, указывающего ему, выше чином и рангом, что необходимо делать.

– Завтра же, господин Орлов, – теперь господин Пригаро вспомнил имя наглеца, – мой рапорт о вашем бестактном поведении я представлю господину Трепову.

– Ваше высокоблагородие, я готов нести наказание и принести вам свои искренние извинения, но сейчас соблаговолите помочь в поимке преступника.

Несмотря на нервическое состояние, надворный советник держал себя в руках, ссориться с сыскным отделением не хотелось, хотя бестактное поведение этого Орлова заслуживало порицания:

– Прошка, – крикнул господин Пригаро, на зов явился слуга, ранее доложивший о пришедшем штабс—капитане, – чернильный прибор!

Глава шестая. Что таится тьмой ночной...

Торговля на Сенной площади заканчивалась в шесть часов, когда в очередной раз на Спасской колокольне били колокола, чтобы тем самым обозначить урочный час для прекращения зимней торговли.

На левой стороне площади приказчики и торговцы смахивали снег с навесов мясных, зеленных и посудных рядов. С правой – тянулись слившиеся в длинную тёмную кучу: крестьянские розвални, груженные рыбой, сеном, битой птицей, над ними торчали флажтоками поднятые вверх оглобли.

Площадь начинала засыпать, но вдоль нее – по Садовой улице, рассекающей Сенную на две половины, по Спасскому переулку, уходящему к Екатерининскому и по Обуховскому проспекту к Фонтанному каналу, на край города, уходили торговцы, не сумевшие за день распродать товар. Извозчики сани глубоко ухали в ямы, которые не успевали схватиться за день ледяной коркой, теперь наполненные грязной и жидкой кашей из песка и снега они были препятствием и для идущих.

В многоэтажных доходных домах, таких же грязных и обшарпанных по фасадам замигали огоньки в окнах и фонари над входными дверями, означая собою ряды всяких съестных заведений – трактиров, кабаков, винных и портерных погребов.

В одно из таких заведений, расположенное позади гауптвахты, между Конным и Спасским переулками, направлялись два одетых в поношенное платье с потёртыми рукавами на сгибах локтей и воротниками господина.

Трёхэтажный дом смотрел на площадь восемью окнами по фасаду, а с высокой почернелой крыши и тремя слуховыми окнами, имевшими весьма недружелюбный вид. Между этим и соседним домом находился глухой переулок, в который шла протоптанная дорожка к дверям обоих домов – одни левее, другие прямо.

Грязный двор с трёх сторон окружён каменными строениями, по всем этажам которых, с наружной стороны, достроены переходы, их можно было назвать галереями. Они, как гигантский осьминог, опутали эти два дома и представляли собой очень удобное средство общения, ведь из любого этажа можно пробраться не то, что на другой этаж, но и любую квартиру.

Когда-то жёлтый фасад дома от времени, а в большей степени от непрерывных петербургских дождей, от летней нестерпимой жары принял серый унылый цвет, сквозь облупившуюся штукатурку которых проглядывали потемневшие кирпичи.

Стекла, грязные и мутные, давно покрылись сизоватым налётом, часть из них была выбита, некоторые заколочены досками, а кое—какие заткнуты попавшимся под руку тряпьем, чтобы квартиры и комнаты не застывали зимним днём.

Нижний этаж дома занят трактиром, знаменитым на всю столицу среди всяческого преступного и разбойничьего люда. Над внешним входом висела незамысловатая почернелая вывеска с надписью «Заведение».

Туда и направились в этот вечер надворный советник Соловьёв и коллежский ассессор Волков, теперь от их прежней щегольской одежды не осталось и следа. Узнать их было невозможно. Некоторое время тому Путилин, прибегавший к переодеваниям в расследованиях, ещё будучи младшим помощником квартального надзирателя, изыскал средства и пригласил знаменитого гримёра Орбелли из Александрийского театра, чтобы тот показал, как превращать себя из брюнета в блондина, из безусого в бородатого. Здесь было важно не само превращение, а чтобы в нужное время что—то не выдало своей фальшивостью. Ведь, если на сцене отклеится борода, то это не страшно, подумаешь, в газете удостоишься едкой эпиграммы, а в жизни можешь получить ножом под сердце или гирькой по голове, что совсем не приличествует хорошему сыскному агенту.

Трактир, в который они вошли, был грязный, в нос шибануло довольно неприятным запахом смеси немытых людских тел, перегоревшего масла, лука.

Крики, грохотание мисок, звон стаканов и бутылок, отборные ругательства неслись со всех

сторон. Едкий дым махорки и дешевых папирос щипал глаза. Лампы горели, как будто окружённые петербургским осенним туманом.

Вошедшие сыскные агенты остановились на пороге, перед ними колыхалось людское море – оборванное, с испитыми лицами и грязными руками, страшное. Оно пило, ело, ругалось, бегало, кружилось, как будто в каком—то водовороте.

Становилось жутко, но не в первый раз приходилось появляться в таких заведениях, здесь непременно должен быть Сенька Кургузый или его подручный и правая рука – Спиридон Кожевников, по кличке Спирька—Ножик, получивший свое прозвище за мастерское владение указанным оружием.

Жуков скорее почувствовал, чем услышал, позади кто—то за ним крадётся. Он обернулся, но так неловко, что поскользнулся на льду, ещё осенью бывшей здесь лужей и, всплеснув неловко руками, повалился на спину.

Дыхание перехватило, но через некоторое время вошедшие помощники по поручениям начальника сыскной полиции вздохнули полной грудью и направились в левый дальний угол, где хоть и сидело достаточно народа, но можно было найти место или во всяком случае, отодвинуть в сторону пьяных.

Иван Дмитриевич испытывал определённое нетерпение и поэтому сам спустился на первый этаж к дежурному чиновнику, который поднялся со своего места при приближении начальника.

– Никто из помощников не появлялся?

– Никак нет, – ответил чиновник.

Путилин тяжёлыми от усталости шагами направился назад в кабинет. Кто бы спросил его: по какой такой надобности ему понадобилось спускаться вниз? Он бы не смог ответить, ведь если никто не соизволил прийти к нему с докладом, значит никто и не вернулся с новостями.

Первым должен был вернуться Жуков. Из молодых, но голова на плечах есть, недаром губернский секретарь, но далеко пойдёт. Глядишь, и должность начальника сыска ему окажется по зубам, а может к тому времени во всей империи появятся отделения. Вот тогда можно и преступников в такой узде держать... Иван Дмитриевич улыбнулся. Когда почти восемь лет тому создавалась сыскная полиция в столице, даже министр внутренних дел со скептической улыбкой воспринял это заморское новшество, хотя там существовали подобные департаменты уже давно. Но, слава Богу, скоро появятся отделения в крупных городах, вот на очереди Варшава, Киев, Москва, а там и до Сибири руки дойдут. Губернские полицейские власти без желания воспринимают новшества, все по старинке, лишь бы передать по инстанциям, а там пусть другой отвечает. Вот и получается, чем больше бумаг, тем меньше настоящего дела, а преступники не дремлют, пользуясь таким попустительством властьпридержащих.

В последнее время Ивана Дмитриевича все больше беспокоили такие мысли. Хоть и шёл сорок четвёртый год, но здоровью пошаливало, то в спине кольнёт так, что с места не сдвинуться, то печёнка, или что там доктора усмотрели, даст знать. Мысли об отставке нет—нет, да и посетят.

Путилин поморщился, ощущая во рту непривычную горечь.

– Что они там, – с досадой произнёс вслух. Стакан был руст, а спускаться к дежурному чиновнику, где стоял маленький самовар не хотелось.

Часы, висящие за спиною, пробили двенадцать, но Иван Дмитриевич продолжал стоять, заложив руки за спину, смотря сквозь покрытое белыми узорами окно на улицу. Угадывались за стеклом только расплывчатые контуры фонарей. Мысли, поначалу прыгавшие с одного предмета на другой, приобрели ясность, и теперь представлялась картина преступления на Курляндской. Хотя и довольно смутная, но контуры начинали прорисовываться.

Прождав с полчаса, Путилин достал из нижней части шкапа подушку и тёплую шаль, принесённые давно, как только сыскное отделение было переведено на Большую Морскую. В первую же ночь, что остался в кабинете, он промучился, приспособливая под голову шапку, а, сам укрываясь, шинелью. Теперь он прилёг.

Громадный кабинет, освещённый одною масляной лампой под зелёным абажуром, горевшей над письменным столом, тонул в густой темноте.

Иван Дмитриевич долго смотрел на лампу, потом закрыл глаза и провалился в тёмную пучину полудрёмы.

Не будь руки в карманах, Жуков может и удержался бы на ногах, но тут рухнул мешком, словно кто—то незримый подставил ногу. Упал спиною на острую ледышку так, что перехватило дыхание. В глазах не потемнело.

И только сейчас Миша заметил, что перед ним выросла большая чёрная фигура, лица не было видно, но губернский секретарь почувствовал, как перед лицом что—то пролетело, обдав волной холодного воздуха, и каким—то приглушённым звуком «эх», вырвавшимся из губ нападавшего. Жуков от неожиданности даже прикрыл глаза, но тут же их раскрыл, угадав, что незнакомец отвёл руку назад, для нового замаха. Миша хотел было отодвинуться в сторону, но тело слушалось не головы, а какого—то звериного инстинкта и он откатился в сторону, сделав один или два оборота, не успев сообразить. Как в руке оказался пистолет, он и сам не понял, прогремел, разорвавший тишину, выстрел, отдавшийся эхом вдоль канала. Но, видимо, пуля пролетела мимо.

Незнакомец зарычал, как дикий зверь. Где—то вдалеке раздался звук свистка, сперва один, потом вслед за ним другой. Это городовые, заслышав выстрел, показывали, что они дежурят на местах. Вместо того, чтобы поспешить на место предполагаемого преступления, они продолжали свистеть. Сами боялись, здесь за Обводным уж очень опасные места.

Миша не видел, как у незнакомца из руки выскользнуло грозное оружие, и он бросился наутек.

— Фу ты, черт! — поднялся Миша. Руки дрожали, губернский секретарь внимательно осмотрелся вокруг себя, хотя и раньше различал только контуры предметов, окружавших его, но теперь из каждого из них, чудилось, поднимается злодей.

Опустился на корточки и пошарил левой рукой по земле в поисках шапки, в правой так и продолжал держать пистолет. Вначале, палку потянул к себе. Оказалась дубинкой с шаром на конце, на ощупь холодная. «Железная», — мелькнуло в голове, как будто злодей вышел бы с другой на разбой. Шапку нашёл рядом, кое—как нахлобучил и большими шагами побежал к Старо—Петергофскому проспекту. Сердце стучало ухающими ударами молота кузнеца, что видел в детские годы в деревне по соседству с имением покойного родителя.

Дыхание перевёл у фонаря на проспекте, одной рукой с пистолетом прислонился к столбу, вторую с дубинкой приложил к груди. В голове гудело, и только теперь почувствовал, как болит спина.

— Эй! Кто стрелял? — раздался властный голос за спиною.

Жуков обернулся, но в темноте ничего не увидел. Свет фонаря рассеивался, чуть ли не в аршине.

— Не балуй, — раздался тот же голос.

Миша скосил взгляд на пистолет.

– Я – помощник начальника сыскной полиции, – выдавил сквозь прерывистое дыхание Жуков.

– Ты стрелял?

– Я.

– Не балуй, – Миша не понял, что страж порядка говорит о пистолете. Сунул в карман.

– Что было?

– Кто—то хотел на меня напасть.

– В чёрном?

– Не рассмотрел, темно ведь, а там, – он махнул рукой, – фонарей нет.

– Этот давно балует, никак поймать не можем.

– Вот, – Миша протянул городовому дубинку, но тот не взял, – злодей потерял.

– Ты откуда шёл в такое время?

– С Бумажного.

– Ты, братец, хорошо отделался, некоторые разбитой головой платили за невнимательность.

– Давно появился этот злодей?

– С осени.

– И не поймать?

– Как же его словишь? По голове одинокого путника стукнет, карманы обчистит и был таков. Смертоубийств не было. Тут пустырь, дома брошенные и фонарей, ты правильно заметил, нет, – но в голосе слышались равнодушные нотки. Зачем, мол, пытаться ловить, ну безобразничает человек, ну и пусть, пока смертей нет. Так и, Слава Богу, нам спокойнее. Ночь прошла и ладно.

– Понятно, – Миша отдышался, поправил на голове шапку, сунул дубинку за отворот пальто, может, сгодится ещё.

Глава седьмая. Даст Бог день, даст и пищу...

Миша, стараясь не шуметь, отворил дверь, заглянул внутрь кабинета. На столе горела одинокая лампа, освещающая сумрачным светом комнату. От дивана, стоящего справа от входа, слышалось беспокойное сопение. Жуков не стал будить Путилина, понял, что Иван Дмитриевич спит и удалился.

Тряска от страха на Обводном началась потом, когда ехал в сыскное. Зуб на зуб не попадал, он и шарф натянул на лицо и руки сунул под пальто, но все равно бил предательский озноб.

В коридоре Миша протер глаза и почувствовал, что устал за день, да и глаза начинали слипаться. Однако спустился к дежурному чиновнику, который только вскипятил воду.

С прошлого ноября распоряжением градоначальника было установлено, чтобы в отделении находился по неприсутственным дням и в ночные часы дежурный чиновник, ведь преступники не соблюдают праздничных дней. Иван Дмитриевич с неохотой согласился, против начальствующих приказов нет иных методов, как исполнение. В сыскную полицию итак присылали даже незначительные дела. Как говорится в Российском государстве – с глаз долой, из сердца вон – вот и стремились некоторые нерадивые полицейские чины на участках и в частях избавиться от груза, что приносят преступники всех мастей.

Теперь вот это свалившееся дело о восьми убиенных. Утром доклад ляжет на стол Государю, который уже с шести часов утра приступает к рассмотрению дел. Днём поступит распоряжение о пристальном внимании к столь ужасному преступлению Александра II, а значит, министр и начальники департаментов изволят изводить придирами и подстёгиваниями, словно розыск – это запряжённая лошадь. Чем больше стегаешь, тем быстрее найдется злодей.

Давно такого не было в столице, чтобы детей, как скот на бойне, жизни лишить и в рядок уложить, словно нет у убийцы ничего святого.

– Михал Силантич, – произнёс дежурный чиновник, наливая в стакан ароматный чай, – не желаешь после морозца?

– Не откажусь, – Жуков присел на стул.

– Что такой хмурый? Случилось что?

– Да, – на губах Михаила появилась вымученная улыбка, и он достал из-за пазухи дубинку и положил на стол.

– Новое оружие себе приобрёл?

– Кабы так, – глаза Жукова на миг загорелись, – не сносить мне головы, если бы эта вещица не пожелала познакомиться с нею, – и он ощупал затылок, словно хотел убедиться, что он в целости и сохранности.

– Неужели снова история приключилась?

– Вот по заданию Ивана Дмитриевича, – и Михаил начал в подробностях рассказывать о происшествии на Обводном. В конце похлопал рукою по железной голове дубинки, – вот так и было.

– Везучий ты, Миша.

– Везучий, – передразнил Жуков, – голова цела да вот в спине, словно кол сидит.

– Пройдёт, – засмеялся чиновник, – главное – шапку есть на чем носить.

– И то, правда, – раздался голос от двери. Там стоял Иван Дмитриевич. Видимо давно слушал рассказ младшего помощника.

«Не придётся повторять», – мелькнуло у Жукова.

Путилин странно смотрел на Михаила то ли с осуждением, то, имея намерение отругать. Но только покачал головой.

– Налейте и мне горячего, – Иван Дмитриевич потёр руки, – однако зима не собирается отступать.

– Так февраль же, – дежурный чиновник налил в стакан из чайника заварку, а потом из самовара горячую воду.

Михаил пододвинул ближе к присевшему за стол Ивану Дмитриевичу блюдо с колотым на маленькие кусочки белоснежным сахаром.

– Сколько раз я вам твердил, – произнёс Путилин, словно перед ним не двое сотрудников, а все отделение сыскальной полиции, – осмотнительнее надо быть. Разбойнику что надо?

– Кошелёк, – вставил Жуков.

– Вот именно, – Иван Дмитриевич отхлебнул глоток ароматного чая, – карманы оставить пустыми, а то, что голову проломит, ему нет никакого дела. Ты говоришь, давно озорничает этот с дубинкой?

– Теперь уж без неё, – дежурный чиновник кинул взгляд на блестящий в свете свечи железный предмет.

– Новую найдёт, – спокойно произнёс начальник сыска между глотками, – дел—то. Теперь, Миша, от твоих приключений перейдём к нашим делам скорбным. Что там в артели?

Несмотря на показную невозмутимость, в душе Иван Дмитриевич себя ругал последними словами, что, на ночь, глядя, послал помощника в опасный район. Там и днём—то с опаской ходить надо, а здесь темнота на город спустилась. Фонарей там, отродясь не было.

– Тихоней был убитый, зелья не потреблял, но, видимо, деньги копил. А вот от угощения не отказывался. Староста артели рассказал, что как—то Морозов обмолвился, что трактир купить хочет.

У Ивана Дмитриевича поднялась вверх от удивления бровь.

– Ну—ка, ну—ка, продолжай.

– Мне кажется, что деньги старший Морозов деньги носил с собою. Вот поэтому убийца и не полез искать их в квартиру.

– Верно, и не мог злодей напасть на него, сыновья всегда были рядом. Может ты, Миша, и про трактир узнал?

– Староста упомянул, что их земляк на Петербургской держит трактир «Ямбург», можно у него поспрашивать.

– Ты прав, Морозов мог интересоваться через земляка, как лучше ему дело такое обустроить.

– Так точно.

– «Ямбург» говоришь?

– Вроде бы.

– Вроде или точно, – Иван Дмитриевич прищурил глаз.

– Точно, «Ямбург».

– Вот что, Миша, иди, поспи. Видимо, ещё не ложился?

Жуков посмотрел красными глазами на начальника, но ничего не ответил.

– Ступай, сегодня нам предстоит многое узнать, ступай. День, видимо, предстоит тяжёлый. – Потом повернул голову к дежурному чиновнику, – Соловьёв и Волков не появлялись?

– Нет, Иван Дмитрич.

– Что—то сердце ноет, – Путилин просунул руку под сюртук и потёр левую сторону груди, – самому надо было наведаться в «Заведение», самому.

– Иван Дмитрич, – возразил чиновник, – они же не малые дети. Не в первый раз в такие норы наведываются?

– То—то и оно, что не в первый, – Путилин поднялся. – Если появятся, я буду в кабинете.

На кожаном диване с гнутыми невесомыми ножками Иван Дмитриевич поправил подушку и присел, держа в руках меховое пальто. Сон не шёл, но Путилин знал, что надо заснуть. День, может, выдаться трудным. Следствие всегда, особенно в первые дни, отнимало

много времени, когда забывался не только сон, но и желудок не беспокоил хозяина понапрасну, не напоминая даже о стакане горячего чаю.

Огонь вился под абажуром, и жёлтое пятно скользило по столу, иногда появляясь на полу маленьким полукружьем.

Иван Дмитриевич прилёг, накинув сверху пальто. Становилось прохладно.

Закрыв глаза. Но почему—то из всех неудачных расследований вспомнилось одно дело, не дававшее покоя в течение нескольких лет. Тогда было сделано все возможное и невозможное, по десять раз перепроверены люди, обстоятельства, но так и не удалось найти преступника.

Тогда было начало лета. Вопреки мнению о пасмурной петербургской погоде стояли сухие дни.

3 июня в Шуваловском парке был найден господин в довольно дорогом платье со следами удушения на шее. Рядом валялось и само орудие преступления – верёвка в аршин длиной. В карманах убитого лежали золотые немецкие часы, на безымянном пальце правой руки кольцо с большим зелёным камнем, как потом выяснилось – изумрудом. В карманах сто семнадцать рублей в ассигнациях и несколько золотых монет, что свидетельствовало – мужчину убили не с целью грабежа.

Личность неизвестного определили на третий день. В полицейский участок Нарвской части обратилась девица Прохорова, заявив о пропаже хозяина, у которого она служила кухаркой. Им оказался отставной поручик – Семён Игнатьевич Прекрестенский. За предыдущие дни сыскные агенты проверили почти всех извозчиков, на предмет – не подвозил ли кто из них накануне мужчину в сюртуке и цилиндре, предъявляя дагерротип для опознания. Но все оказалось впустую.

Путилин проверил состояние дел господина Прекрестенского. Оказалось, что тот приехал в столицу пять лет тому, имея при себе небольшой капитал, вырученный от продажи имения. Поначалу все складывалось не столь гладко, Семён Игнатьевич потерял некоторую сумму при образовании ссудной кассы, но потом нашёл своё: начал выступать посредником при поиске, приехавшим в столицу не только квартир, но и углов. Дела пошли в гору, и бывший поручик приобрёл для себя двухэтажный домик на Лиговском канале, завёл себе кухарку, которая занималась и домашними делами Прекрестенского, абонировал в Александрийском театре ложу за двадцать пять рублей в месяц. И поговаривали, что Семён Игнатьевич преумножил привезённый капитал раз в десять. Собирался приобрести имение где—нибудь в южных краях, то ли Екатеринославской, то ли Херсонской губерниях, где земля пожирнее и урожаи побогаче. Действительно, дома в железном ящике было найдено сто пятьдесят тысяч в процентных бумагах.

Становилось непонятным – кто тот враг, что решился на убийство.

Следствие зашло в тупик. Говорил, правда, только один из свидетелей, что накануне отставной поручик приобрёл кожаный портфель, который так и не был найден. Даже кухарка не могла его вспомнить.

Так и осталось преступление без наказания, но иногда нет, да и вспомнится бедный Прекрестенский. Иван Дмитриевич не корил себя в нерасторопности, но иной раз настроение портилось. Казалось, недоглядел, что—то упустил. Но все впустую, чем больше проходило месяцев, тем призрачнее становилась надежда найти преступника.

Отчего вспомнилось нераскрытое дело отставного поручика, Путилин сказать не мог. Может, в связи с нынешним, ведь столько убитых на Курляндской. Хотелось поймать этого злодея, не пожалевшего даже детей. Иван Дмитриевич прикрыл глаза, чтобы выходящий огонёк не тревожил полётом жёлтого лепестка.

Вставить, чтобы загасить лампу, не было особого желания, да и нужды тоже.

Глава восьмая. Дела давно минувших лет...

Иван Андреевич Волков в поношенном с заплатами кафтане выглядел натуральным босяком, хотя и наливал в стакан очередную порцию белёсой жидкости, называемой в трактире водкой, но глаза цепко следили за окружающими людьми. Ни Сеньки Кургузого, ни Спирьки—Ножика не было видно. То ли люди, ведающие нужными сведениями, донесли неправильное, то ли, действительно, у Сеньки звериное чутье на присутствие рядом с ним сыскных агентов.

Настроение помощников Путилина не настраивало на воинственный лад и с каждым часом становилось мрачнее.

Волков хотя и пытался выглядеть молодцом, но не получалось. Даже улыбка, приклеенная на лице, выходила скорее вымученной маской, нежели весёлой.

Штоф пустел.

Иной раз в таких заведениях получалось слышать не предназначенное для постороннего уха. Вот и сейчас Волков напряг слух. За соседним столом сидели два оборванца. Один все пытался повысить голос, но второй его одёргивал. Мол, что творишь, не в лесу, чай, находишься.

– Ты что рот мне, – отмахивался первый, – я знаешь. Так захочу, так этого по этапу отправлю....

– Тише ты, тише, не дай Бог, кто услышит.

– Так пускай, – ословелыми глазами первый уставился в стол, – перестал я бояться. Пускай Тимошка боится. Это ж он подбил меня на убийство—то.

– Договорись, что самого в кутузку отправят...

– Не боюсь я, пришёл к Тимошке, а он из куша, почитай, в тридцать тыщ, мне тогда четвертной сунул, а потом то рубль, то трёшку мелочью отсыпет. Потом, мол, придёшь... – вероятнее очередной стакан с водкой переключал в желудок недовольного жизнью человека.

Волков кивнул Ивану Ивановичу и указал глазами на соседний стол. Соловьёв жестом ответил, что давно следит за этой парочкой.

– Я его по этапу отправлю, – первый сморщил лицо, что Волков, сидевший спиной, почувствовал эту гримасу.

– Что ты сделать сможешь? Сам говорил, что три года прошло.

– Четыре. – первый поднял кверху руку с оттопыренным указательным пальцем с чёрной полоской под ногтём.

– Во—во, даже четыре.

– Я узнавал. – казалось первый говорил шёпотом, но глухой голос был не таким тихим, – по этапу пойдёт. Он же верёвкой того бедолагу схватил и в спину ногой кто упирался? То—то... Будет ему дорога в Сибирь, ежели мне не отдаст мою долю. Хочу, как человек жить, пускай год, но человеком. Ты разумеешь?

– Я—то знаю, – и второй зашептал на ухо первому. Волков, как не напрягал слух, больше ни слова не понял. Только один бубнёшь.

Соловьёв несколько раз поднимался с места и делал вид, что ищет старых знакомых или земляков, но возвращался огорчённым. Ни Спирьки, ни Сеньки не замечал. Видать почувствовали, что ничего хорошего сегодняшним вечером, а вернее, ночью не случится: то ли пошли на очередное дело, то ли схоронились где—то.

А разговор рядом, хотя и сумбурный, но все—таки привлекал. Не с пустыми же руками покидать сие заведение, может быть этих двух, вернее того, что вспоминает о некоем преступлении.

Волков шепнул Ивану Ивановичу, что, как только парочка решит оставить трактир, он последует за первым, более недовольным. Соловьёв поднял стакан и так же тихо прошептал:

– Я за вторым, если разделятся.

Иван Андреевич в знак согласия прикрыл глаза.

Ждать пришлось долго, почти целый час.

За время присутствия так и не назвали своих имён ни первый, ни второй. Все «ты» да «ты», только единственное, что и проскользнул неведомый Тимошка.

С трудом преодолев три ступеньки при входе, поддерживая друг друга, как ни странно расстались тут же и пошли в разные стороны: первый – по Садовой в сторону

Вознесенского проспекта, а второй – к Спасской улице.

После тёплого «Заведения» пришлось запахнуть куцую одежку, но все равно мороз забирался под сюртук. А вот тому, прозванному «первым», хоть бы что. Наверное, давало знать выпитое. Ведь, как говорится, пьяному и море по колено.

Волков шёл в шагах десяти позади, чтобы не упустить из виду. Пьяный—то он пьяный, а вот сиганёт во двор, и там его вовек не сыщешь. Это на Садовой фонари горят, а отойди от него в сторону так хоть глаз выколи.

Идущий впереди пошатнулся и свернул за угол. Иван Андреевич ускорил шаг, но только и успел, что столкнуться с «первым». Тот оказался не таким уж пьяным, отблеск фонаря упал на глаза и Волков увидел перед собой вполне трезвый взгляд.

Руки преследуемого схватили сыскаго агента за грудки и резким движением прислонил к шершавому камню стены.

– То—то я заметил у «генеральши», что так пристально к нашей беседе липнешь, небось охотник за клопами, – первый решил, что Волков обкрадывает пьяных. – Так я тебе не клоп, сам хожу жоком, – пока первый прижимал к стене сыскаго агента, тот проверил карманы, действительно, у преследуемого не было ни полушки в карманах.

– Хорошо прихерился, – недаром Иван Дмитриевич составил маленький словарь, чтобы можно понимать «музыку петербургских мазуриков», – да и ширманы есть просят.

– Да я тебя, – ощерился «первый».

– Не буди лихо, – спокойным тоном ответил Иван Андреевич. Пока этот мазурик держит за грудки, опасаться нечего. У Волкова, невзирая на худощавое сложение, был удар молотобойца. В детстве он много болел, и не было никакой надежды, что такой слабенький здоровьем мальчик долго не протянет. Но вопреки всем гаданиям и предсказаниям Ванечка окреп и перестал страдать недугами, словно они взяли своё в ушедшие дни.

– Ты...

– Ладно, пошутили и будет, – уже серьёзным голосом произнёс сыскаго агент, сощурив глаза, – не затем я за тобою шёл, чтобы выяснять у кого кулаки твёрже.

– Что тогда?

– Не буду юлить, – пошёл ва—банк Иван Андреевич, – твоего Тимошку давно в оборот намеривался взять, да все недосуг было.

– А может Тимошки у нас разные? – Руки мазурика не отпускали лацканы пальто, но слегка ослабли.

– Шуваловский? – с убедительностью в голосе произнёс Волков. А у самого сердце застучало, словно молот кузнеца. Он видел, как желваки заиграли на скулах, и поэтому напрягся, не иначе взведённая пружина.

– А ты откуда знаешь?

Иван Андреевич промолчал, тем самым добавляя таинственности невысказанным словам.

– Давно следишь?

– Порядком, – Иван Андреевич не лукавил и, если это, действительно, то злополучное дело об убийстве в Шуваловском парке, они в сыском четыре года нет—нет да и вспомнят бедного господина Прекрестенского. Неудачно проведённое расследование.

– Даже так. А ты кто будешь? – Хоть фонарь и не близко был, но кое—какой свет давал и в ответах нехорошо поблёскивал взгляд незнакомца.

– Зовут меня Зовуткой, – Волков хотел отшутиться, но руки мазурика напряглись, словно в голове роились противоречивые мысли.

– Я с тобой не шутить тут собрался. Ну?

– Не запяг ещё, – сыской агент тоже напрягся, не зная. Что можно ожидать от незнакомца.

– Не я за тобой шёл, – левая щека у первого начала мелко подёргиваться. Такое Иван Андреевич видел у контуженных солдат, когда они начинали сильно волноваться.

– Служил?

– Тебе какое дело?

– Да, никакого.

– Что ты от Тимошки хочешь?

– Тоже, что и ты.

Уголки губ незнакомца поднялись кверху, но улыбка так и не появилась.

– Я кровное хочу забрать, а ты значит...

Иван Андреевич, хотя и был в ожидании, но не уследил, как колено незнакомца тараном вонзилось между ног. Сыской агент только ахнул и согнулся пополам, и теперь кулак мазурика сверху вниз ударил по затылку. В глазах потемнело, и Волков, скрючившись, упал на выпавший под вечер снег. Незнакомец несколько раз со всего размаха ногой ударил по рёбрам и лицу бесчувственного агента.

Незнакомец пошарил по карманам, извлекая из них несколько рублей в серебряной и медной монете, за поясом нащупал пистолет. Сунул в карман, напоследок подхватил за подмышку и отволоч в сторону, где было потемнее, пнул без злобы ногою бесчувственное тело, сплюнул и припустил бегом к Фонтанке.

Соловьёву повезло больше. Второй, действительно, был пьян и, шатаясь, побрёл по Спаскому переулку к Екатерининскому каналу. Пока шёл, ни разу не обернулся, словно не опасался, что сам может стать лёгкой добычей какого—нибудь охотника за пьяными людьми.

Иван Иванович следовал за ним, не забывая кидать взгляды назад, чтобы самому не стать из преследователя преследуемым. Но позади было тихо, никто не стремился спрятаться в тени, Соловьёв отметил бы сразу. Насчёт слежки он, наверное, лучше всего справлялся с поставленным заданием. Ивану Ивановичу Путилин поручал, казалось бы, самые провальные, но сыской агент всегда с блеском выполнял порученное. Чему первое время удивлялся Иван Дмитриевич, сам перенимая некоторые приёмы Соловьёва, который по какому—то наитию чувствовал, что надо поступить так, а не иначе.

Перейдя через Каменный мост, незнакомец из трактира пошёл по Гороховой в сторону Адмиралтейства.

«Поближе бы», – подумал Иван Иванович. Здесь, действительно, до сыского отделения оставалось не так далеко. Незнакомец шёл в том направлении, словно вознамерился сам туда прийти.

Сознание приходило медленно. Вначале темнота отступила, но в глазах оставалась мутная пелена, словно в них бросили щепоть едкого дешёвого табака. Волков застонал, но голос предательски ни выдал ни звука. Ивану Андреевичу только чудилось, что он громко что—то

говорит, а на самом деле из горла вырывались едва слышимые всхлипы. Не хватало сил, чтобы пошевелить рукой, только пальцами он пытался скрести снег.

Спустя некоторое время Волков сумел приподняться и облокотиться спиной о шершавую стену. В глазах прояснилось, но боль в затылке не давала возможности подняться на ноги. Иван Андреевич сгрёб рукою горсть снега и поднёс сперва к губам, а потом протёр лицо, почувствовав холодное прикосновение, принёсшее едва ощутимое облегчение.

Опираясь спиной о стену, ящеркой скользя по шершавому камню, Волков начал подниматься на ноги, которые хоть и оставались послушными, но так и норовили подкоситься, вновь опустить хозяина на снег. Иван Андреевич руками начал шарить по стене, только спустя некоторое время понял, что шапка валяется где—то на снегу. Хотел нагнуться и найти её, но не удержался и рухнул, словно подкошенный, на колени. Провёл рукою по лицу, размазывая что—то холодное и липкое.

«Кровь, — пронеслась запоздалая мысль, — все—таки не состорожничал».

Наконец, снова поднялся, оторвался от стены и на негнущихся непослушных ногах пошёл к Вознесенскому. Остановился у фонаря, опершись на крашенный железный столб.

— Эй, — раздался властный голос, — что остановился. Иди своей дорогой.

Волков повернул голову в сторону приближавшегося человека, глаза предательски показывали только тёмное пятно, хотел махнуть рукой, но, едва её оторвал от фонарного столба, чуть снова не упал.

— Кто ж тебя так? — в голосе появились сочувственными нотки.

Только теперь, когда подошедший оказался в двух шагах, Иван Андреевич увидел полицейскую шинель.

— Я, — хотел произнести Волков, но закашлялся и только потом прохрипел, — я — агент сысского. Мне нужен извозчик.

— К доктору вам надо, — городской сменил начальствующий тон, ведь все агенты сысского, почитай, имеют офицерский чин.

— В сысское, — и отдышавшись, Волков добавил, — никого... не ...видел... не пробегал... ли... кто....

— Никак нет, час—то поздний, — полицейский, поддерживая под руку Ивана Андреевича, повёл к проспекту, где на пересечении с Садовой стояла железная печка, которые по приказу градоначальника топили целую ночь на перекрёстках крупных улиц и проспектов, чтобы никто не мог замёрзнуть зимними ночами. Там же грелись и извозчики, хотя до Большой Морской и было недалеко, но Волков идти пешком не решился. Не хватало сил.

Соловьёв ускорил шаг, догнал второго, взял под руку. Тот от неожиданности остановился, посмотрел на Ивана Ивановича слегка удивлённым взглядом.

— Нам по пути, — Соловьёв произнёс негромко, но с твёрдостью в голосе, не требующей возражения.

— Может быть.

— Здесь уже недалеко.

И второй, как послушное телятё, не сопротивляясь пошёл рядом с сысским агентом, принаравливая шаг к соловьёвскому.

Перед самыми дверями в отделение полицейский, несший службе, поприветствовал подошедших:

— Доброй ночи, Ваше Благородие!

— Доброй, доброй, — ответил Соловьёв, открывая дверь перед приведённым, и только тогда второй с досадой произнёс:

— Вона как! Допрыгался Васька, — имея в виду то ли себя, то ли собутыльника из «Заведения».

Дежурный чиновник по сыскному только вскинул брови, махнул головою в знак приветствия, но ничего не сказал. Не принято, было в отделении, говорить лишнее в коридорах не от недоверия, а от того, что кто—то из приведенных может услышать не предназначенное для посторонних ушей.

В камеру, – устало произнёс Соловьёв, отирая рукой лицо, словно пытался снять напряжение сегодняшнего долгого дня.

Глава девятая. Ниточка въётся из клубочка

Через час распахнулась дверь и человек в чёрном тулупе, поддерживая под руку Волкова, боязливо шагнул в сыскное.

– Барин, – обратился он к дежурному чиновнику, – мне поручено сопровождать.

– Иван Андреич, – кинулся к вошедшим Жуков, который так и не прилёг, а после приезда Соловьёва, так и вообще глаза загорелись и сон, как рукой сняло. Увидев разбитое и бледное лицо, спросил у сопровождавшего Волкова человека, – что стряслось?

– Не могу знать, – отозвался тот, – я – извозчик. Мне велено доставить, вот я и доставил.

– Кто велел?

– Дак, господин Дьячков.

– Кто такой?

– Городовой с Вознесенского.

– Понятно.

Извозчик отпустил Волкова, который повис на руках Миши, попятился назад и, словно что—то намеривался сказать, но так и не решился.

– Что ещё? – резко спросил Жуков.

– Дак, за труды, – и замолчал.

Дежурный чиновник достал из кармана серебряный полтинник.

– Получи.

Путилин, словно почувствовал неладное, поднялся с дивана, потянулся чтобы немного согреться в холодном кабинете. Все—таки зима на улице. Хотел присесть за стол, посмотреть ещё раз принесённые с посыльным бумаги, но не стал этого делать, вышел из кабинета и направился в комнату дежурного чиновника.

– Иван Дмитрич, – начал Соловьёв.

– Вижу, – прервал его Путилин, опустился на корточки перед сидящим на стуле Волковым, которой улыбнулся разбитыми губами и сделал попытку встать, но Иван Дмитриевич удержал, – пошлите за доктором.

– Жуков...

– Ясно, – Путилин поднялся на ноги, – кто?

Иной раз его резкие короткие слова больше говорили, чем цветастые фразы.

Иван Иванович начал рассказывать, как они прибыли в «Заведение», где Сенька Кургузый так и не появился, как стали свидетелями интересного разговора и как решили проследить за этими людьми.

– Понятно. Как их имена?

– Один сидит в камере, а вот второй, – Соловьёв оборвал себя.

– Что ж, – Путилин махнул рукой в сторону кабинета, – ведите ко мне.

– Он пьян.

– Ничего, – Иван Дмитриевич провёл рукой по волосам, – нам нужно только имя второго и где проживает. Такому, – он кивнул головою на Волкова, – спуску давать нельзя. Веди.

Разбуженный незнакомец выглядел не таким уж пьяным. Протёр руками глаза.

– Что за порядки? Уж и поспать спокойно не дадут, – пробурчал он, – поперва в камеру, а потом...

– Не шуми, – перебил его хмурый Иван Иванович, – не дома.

– Вот ещё, – незнакомец послушно шёл впереди Соловьёва и бурчал себе под нос, – я б сам кому хошь, в особенности дома.

Путилин сидел за столом, подкрутил колёсико у лампы, и стало светлее, хотя тени продолжали волнами наполнять углы. Бумаги убрал и положил руки на столешницу в ожидании человека из «Заведения».

– Иван Дмитрич, разрешите? – спросил Соловьёв, открыв дверь.

Путилин только кивнул.

– Проходи, – пропустил вперёд незнакомца.

– А тут у вас не жарко, можно и околеть, – незнакомец поёжился и запахнул полушубок на груди.

– Пожалуй, да, не южные края, – усмехнулся Иван Дмитриевич, – проходи, что стал, как вкопанный или особое приглашение надо?

– Я б без приглашения домой пошёл...

– Люблю шутников, однако.

– Иван Дмитрич, я ... – начал было Иван Иванович, намереваясь сказать, что будет за дверью.

– Не надо. – отмахнулся Путилин, – самовар кипит внизу. Озяб, наверное?

– Есть немного.

– А я бы от горячего не отказался, – подал голос незнакомец, переминаясь с ноги на ногу посередине кабинета.

– Это уж потом, хотя, – и обратился к Соловьёву, – Иван Иванович, нам бы по стаканчику.

– Хорошо, ещё что—нибудь?

– Ну, не мешало бы и, – потёр руки незнакомец.

– Ну, ты, братец, губы—то не раскатывай. Здесь не трактир, – Путилин погрозил пальцем. – да ты не стой столбом, садись поближе, вот для тебя уж стул стоит.

– Благодарствую, – незнакомец подошёл к столу и сел на стул, – как я понимаю, разговор долгий, а в ногах правды. Как говорится, нет.

– Правильно мыслишь. Знаешь, где находишься?

– А как же! Кто ж в городе не знает, где находится сыскное.

– Тогда и меня признаешь?

– Если бы и не признал, то наслышан.

– Значит, мы знакомы.

– Можно и так сказать.

– Раз знаешь, как меня зовут и мою должность, то и я должен твои знать. Согласен?

– Отчего и так понятно. Я – Васька Пилипчук, на Обуховском слесарю.

– Что ж, вот и познакомились.

– Тогда не хочу разводить канитель, ты мне скажи, кто тот второй, с которым ты в «Заведении» сегодня был?

– Так меня из—за него? – Успокоился Василий, даже откинулся на спинку стула и закинул ногу на ногу. – А я—то, – Пилипчук прикусил язык, словно что—то лишнее сказал.

– Он, – Иван Дмитриевич сделал вид, что не заметил оплошности собеседника. Путилина больше интересовал собутыльник Василия по «Заведению», а не он сам.

– Что он мне брат, сват? – Посмотрел в глаза Ивану Дмитриевичу, ища поддержки, что ничего нового в сыском он не расскажет, в особенности про себя. – сдался он мне? – И пожал плечами.

– Верно говоришь,

В раздался стук и дверь отворилась, Соловьёв прошёл в столу, неся в руках два стакана, вслед за ним вошёл Жуков с двумя тарелками: на одной лежал колотый сахар, на другой – сушки.

– Как там Иван Андреевич?

– Доктор сказал, ничего страшного, день—два отлежится и будет целей прежнего, – произнёс Соловьёв.

– Ну и ладушки.

– Наша помощь нужна, – Иван Иванович покосился на Пилипчука.

– Благодарю, – на лице Путилина расплылась добродушная улыбка, напряжение спало, сердце болело за Волкова. Каждый сотрудник был Ивану Дмитриевичу сродни родных детей и под нож вместе, и под пули.

После того, как дверь затворилась за сыскными агентами, Путилин произнёс:

– Что ж ты? Бери стакан, пока горячий. Так как ты говоришь, приятеля твоего зовут?

– Да и не приятель он мне, – Василий поднёс с исходящим паром чаем стакан к губам, – а так знакомец. Я уж не припомню, то ли он ко мне подсел, то ли я к нему. Иной раз, как встретимся, полуштоф – другой за беседами и разопьём.

– И давно так?

– Года с два, наверное, будет, – остановил Василий на полдороге стакан и свёл брови у переносицы.

– Давненько.

– Гришка – шибутной, в столице наездами бывает, но частенько.

– Значит, Григорий.

– Да, Гришка Шустов.

– И где он обитает?

– В последнее время ночует у зазнобы.

– Василий, – развёл руки Иван Дмитриевич, – все из тебя клещами тянуть должен.

– Да я что. – торопливо произнёс Пилипчук, – то ли в Ревельском переулке, то ли на Дровяной.

– Так на какой?

– Не помню я, не помню, – задумался, – во, – обрадованно чуть ли не закричал Василий, – в митковском доходном доме. Точно в нем, он ещё на Фонтанку фасадом выходит.

– Он не собирался уезжать из столицы?

– Нет, у него тут дело осталось.

– И какое? Василий, чудно, то рассказываешь все, то таишься, как красна девица. Иль сам в чём замешан?

– Господь с вами, господин хороший. Ну, разве ж я поход на душегуба? – И опять, как прежде, прикусил язык.

– Я ж не говорю. Что ты – душегуб, но вот твой знакомец...

– Да не знакомец мне он, – теперь с жаром произнёс Пилипчук.

– Хорошо, пусть так, не знакомец, – согласился Иван Дмитриевич, – и Тимошка не знакомец.

– А его вообще я не знаю.

– Но, что произошло в Шуваловском, он же рассказывал?

– Хвастал, – опустив голову, выдавил из себя Василий.

– А ты говоришь не знаешь!

– Что мне его покрывать?

– Верно, – подсказал Иван Дмитриевич.

– Я сам по себе, они сами по себе. Что мне от них? Верно?

– Правильные слова говоришь.

– В Шуваловский Тимошка придумал заманить одного с деньгами под видом поисков нового дома, вот они. – он прервал излияния, но потом махнул рукой, – там его верёвкой и...

– Далее.

– Тимошка забрал портфель, как потом Гришка узнал, что там тридцать тыщ в процентовках были, сунул Гришке четвертной и приказал из города уехать. Тот и исполнил, но частенько бывал в столице. То трёшку, то рубль ему Тимошка от щедрот своих давал и все обещаниями кормил, вот Гришка меня подговаривать начал, чтобы к Тимошке залезть, – Василий поднял глаза на Ивана Дмитриевича. – Ты же отказался?

– А как же? Зачем мне такое дело?

– Верно рассудил, лучше на Обуховском слесарить, чем бегать с тачкой в Сибири по морозу.

Пилипчук обиженно засопел, показывая, что он с открытой душой, а ему тут грозят сразу.

– Да, не дуйся ты, как мышь на крупу. Посуди, я ж истинную правду говорю. Зачем мне тебя пугать? Тебе чужой грех на душу брать не стоит, а свои, небось, отмолишь, если, конечно, – Иван Дмитриевич погрозил пальцем, – к нам не попадёшь.

– Упаси, Господь! – Василий перекрестился, – чужое нам без надобности. Пусть сами Сибирь топчут.

– Ныне, вот что, Василий, – снова на лице Путилина появилась добродушная улыбка, – до утренней зорьки посидишь у нас, а там иди со спокойным сердцем на все четыре стороны.

– Благодарствую, – приободрился Пилипчук.

Через некоторое время, в течение которого повеселевший Василий был препровождён в камеру и принесён горячий чай, в кабинете сидел в кресле Иван Дмитриевич, а напротив него на стульях Жуков и Соловьёв. Иван Иванович за суетою ночи так и не переоделся. У всех троих были напряжённые лица, хотя некоторое беспокойство за Волкова и присутствовало.

– Вот что, господа агенты, – Путилин облокотился на стол грудью и положил скрещённые руки на столешницу, – нам недосуг вызывать полицейскую подмогу, Шустов может уйти и до Тимошки, о котором шла речь в «Заведении», в ближайшее время, а. может, и надолго забыть. Что вы предложите?

– Братъ, – с горяча сказал Миша и тут же себя поправил, – если известно, где он может ночевать.

– Адрес—то известен, но... – Иван Дмитриевич остановился на полуслове и выжидательно посмотрел на Соловьёва, который закусил губу, что—то хотел сказать, но не решился, только потом, словно очнувшись от забытья, произнёс спокойным тоном:

– Пока есть возможность, надо задержать Шустова, когда выпадет такая оказия. По всей видимости, он живёт без адресного билета. Колесит по России—матушке и наездами бывает в столице. Что—то его сюда тянет, а так ноги в руки и не найти его, а он, считайте, самая главная ниточка к Тимошке.

– Надо ехать. – глаза Жукова загорелись в азартном предчувствии, – за четыре года только первое имя, как ясно солнышко показалось.

– Нам рассчитывать не на кого, – подытожил Иван Дмитриевич. – кроме, как на самих себя.

Глава десятая. Гришка Шустов

Гришка Шустов – детина тридцати двух лет, высокий, под два аршина с десятью вершками, хотя и веселился в «Заведении», но теперь сидел за столом. Перед ним стояли миски с горячей вареной картошкой, соленными грибами, квашенной капустой, по левую руку лежала четвертинка ржаного хлеба. Напротив сидела Катерина, у которой Гришка останавливался в столице.

Катерина не блистала красотой. Рябое лицо пребывало всегда в смущённом виде, словно Господь и не дал красоты, но румянец на щеки выскакивал даже при мимолётном взгляде на неё мужчин. Она с покорностью ждала приезда Гришки, а тот, как напьётся, так ему любую подавай на закуску. Хотя девица понимала такое поведение Шустова, но прикипела к нему сердцем, то готова, ради него и в огонь, и в воду.

Вот и сейчас выставила перед Гришкой припасённый полуштоф зелёного стекла. Шустов разлил в два стакана, себе половинку, а Катерине только плеснул на доньшко. Она все равно зелья не потребляла, но ей нравился запах, когда Гришка её целовал слюнявыми губами.

Она снимала в митковском доме маленькую комнату, хотя и платила за неё половину заработанных денег, но всегда ждала Гришку. Не за занавеской с ним миловаться, а тут можно и на стол накрыть. Не опасаясь, что кто—то подсмострит.

А глаз везде хватало.

– Что—то ты не весел?

Гришка поднял стакан и одним глотком выпил содержимое, не поморщился. А только щепотью прихватил немного капусты и без особого желания начал жевать.

Только после этого вытер руку о рубашку и почёсывая нос, сказал.

– А что, Катерина, не поедешь со мной в деревню законной женой. Купим дом и заживём с тобой.

– Да я с тобой на край света, – зарделась девица. – где же денег столько взять?

– Не горюй, – Гришка снова налил себе пол стакана, – вот дело верное выгорит, так и уедем мы отсюда подальше. Надоела мне столичная маета, каждый сам по себе, человека не видно, одни тени по улицам мелькают, а я покоя хочу, коровёнок, хозяйства. Эх, благодать...

Катерина не ожидала разговора. Не таков Гриша, чтобы сантименты разводить, а здесь и сердце затрепетало у девицы от внезапной радости, и на щеках предательские пятна высypали, но виду не хотела показывать. А вдруг передумает? Ведь он такой видный.

А Гришка после очередного стакана решил или Тимошка отдаёт причитающуюся долю, или придётся залезть на квартиру и там в спокойствии поискать припрятанное. А если не найдёт, так есть иные возможности, правда, тогда кровью руки обагрить придётся. Ну, ничего. Ждать больше не хотелось и так вокруг слишком много подозрительных лиц шастает. Вот и сегодня. Тимошку помянули. А это не к добру. Надо скорее завершать и в деревню. А что? Катерина баба здоровая, фигурой статная. Детей выкормит. А что красотой Бог обидел? Так её на базар не понесёшь, а ночью все они на одно лицо. Верною до гроба будет и ни кто на неё не позарится.

Гришка заулыбался.

Путилин взял с собою трость и пистолет, привезённый шестизарядный револьвер из Австрии одним из благодарных участников расследования, где безвинно едва не пострадал от ложного обвинения, Вместо мехового надел старенькое пальто, приготовленное для таких случаев. Если порвёшь или залезешь куда, так жалеть не станешь.

Задолго до первого колокола выехали на указанную улицу, был четвёртый час пополудни. Разгулялся на просторах города ветер, поднимая с тротуаров хлопья снега, выпавшего с вечера.

– Хорошо, что ветер, – подметил Путилин, – может из дому нос не покажет.

– Скоро и увидим, – Жуков поднял воротник.

До Дерптского переулкa извозчик домчал быстро, норовил угодить начальнику сыскного отделения. Как просил Иван Дмитриевич, к самому дому подъехали без шума.

Агенты вышли из саней без разговоров. Городовой нес службу недалеко, Иван Дмитриевич попросил разбудить без шума дворника и помочь в задержании возможного преступника.

Разбуженный дворник хотел было возмутиться поздними гостями, но прикусил язык, испугавшись приехавших, от него разило не хуже, чем от винной бочки. Он же и указал, что к Катерине с первого этажа шастает тут один ночами. Дело — де молодое, хотя девица красотой не отличается, но характером вышла добрым, что жалко ее. Вот он глаза и закрывает на такое. А с пачпортом, ходок иль без, ему не ведомо да и без надобности у каждого гостя документ спрашивать.

Сквозь щель в неплотно задёрнутых занавесках был виден стол с горящей свечой, а за ним мужчина, опершийся головой о подставленную под щеку ладонь, и девица в белой исподней рубаше и накинутым на плечи платком. Казалось, мирная домашняя идиллия. Жена не перечит мужу и ждёт пока он не соизволит идти почивать.

– Миша, – тихо почти в самое ухо произнёс Путилин, – жди здесь, если Гришка в окно решит сигать.

«Понял», – ответил Жуков кивком головы, но Иван Дмитриевич взглянул строго и погрозил пальцем.

Миша обиженно засопел, но промолчал. Памятуя о том, что шуметь не следует.

Он в щель видел, как через некоторое время женщина повернула голову к двери, а Шустов даже не оторвал щеку от ладони, то ли не слышал, то ли был сильно пьян, что не в состоянии даже подняться со стула.

Девица подошла к двери и приоткрыла её. Что там у неё спрашивали. Жуков не слышал, но Катерина отступила в сторону, пропуская первым Ивана Дмитриевича, потом Соловьёва, а уж завершал процессию – дворник.

– Катерина Иванова? – то ли вопрос прозвучал в устах Путилина, то ли утверждение.

– Да я, – ответила девица, – вон Спиридон Матвеич подтвердит, – она кивнула в сторону дворника.

– А это стало быть Григорий Шустов?

– Он.

Григорий даже не открыл глаза, а только причмокнул губами.

– Пьян?

– Немножко, – а потом спохватилась и тихо с придыханием спросила, предчувствуя беду, – а вы кто будете?

– Мы, Катерина, из сыскного отделения.

Девица не вскрикнула, не забилась в истерике. А как стояла около кровати, так в бессилии на нее присела, закрыв руками лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.